

Кайл
Брукс

МОЛИТВА НА ПОРАЖЕНИЕ

Молитва на поражение

Кайл Брукс

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Симптом деградации

Глава 2. Встреча в тени

Глава 3. Догма войны

Глава 4. Охота на еретиков

Глава 5. Профиль палача

Глава 6. Агентура в рясах

Глава 7. Глобальная паутина

Глава 8. Клеймо предателя

Глава 9. Эсхатология ненависти

Глава 10. Исповедь перед бурей

Список литературы

Пролог

Тяжелые своды старого городского собора давили на плечи. Иеромонах Григорий стоял перед престолом. В его руках была золотая чаша — потир, хранящий величайшую святыню, кровь Христову, пролитую за спасение мира. Но сегодня Григорий чувствовал, что в эту чашу добавили яд.

Яд не был физическим. Он был напечатан на безупречно белом листе бумаги формата А4, который резко контрастировал с пожелтевшими страницами древнего Служебника. Текст, спущенный сверху, из самой епархии, с пометкой «обязательно к прочтению за каждой Божественной литургией». «Молитва о Святой Руси». Молитва о победе.

Григорий опустил глаза на черные, ровные строки. Каждое слово казалось ему ударом меча, наносимым в живое тело Евангелия. От него требовали просить Бога о ниспровержении замыслов тех, кого в тексте называли противниками Святой Руси, о победе оружия, о торжестве силы. От него требовали благословить братоубийство именем Того, Кто сказал: «Блаженны миротворцы» и «Любите врагов ваших».

В алтаре стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в кадиле. Диакон вопросительно посмотрел на Григория, ожидая возгласа. За Царскими вратами, в полумраке храма, стояли сотни людей. Григорий знал их лица. Вон там, у иконы Николая Чудотворца, стоит Мария — ее сын сейчас там, в окопах, по ту сторону линии фронта, потому что семья оказалась разделена границей. А здесь, у подсвечника, плачет Анна, чей муж ушел добровольцем. Они пришли сюда за утешением, за светом, за надеждой на то, что любовь сильнее смерти. А он должен дать им яд ненависти, завернутый в благочестивую обертку.

Пальцы иеромонаха побелели, сжимая край престола. Он вспомнил, как еще несколько лет назад церковь была живым организмом, дышащим, сострадающим, ищущим Бога. Когда это изменилось? Когда живая вера превратилась в холодную, бездушную систему, требующую крови?

Григорий закрыл глаза. В его памяти всплыл недавний разговор с благочинным, тучным протоиереем с холодными, колючими глазами. «Не читай, если хочешь, отец Григорий, — сказал тогда благочинный, поигрывая тяжелым наперсным крестом. — Но помни, что у нас теперь строго. Экспертный совет не дремлет. Одно слово — и ты сектант, раскольник, враг государства. Александр Леонидович таких не прощает».

Александр Леонидович Дворкин. Имя, которое произносили шепотом. Главный сектовед, человек без духовного сана, но обладающий властью, перед которой трепетали епископы. Григорий давно замечал, как риторика этого человека, словно агрессивный вирус, проникает в проповеди, в официальные документы, в умы священников. Вирус, который учил искать врагов, клеймить несогласных, ненавидеть тех, кто верит иначе.

Григорий сделал глубокий вдох. Он должен был произнести эти слова. Система не оставляла выбора: либо ты становишься рупором пропаганды, либо тебя стирают в порошок, лишают сана, объявляют сумасшедшим или экстремистом.

— Господи, помилуй, — прошептал он одними губами.

Он начал читать. Его глубокий баритон разносился под сводами храма, но сам он не слышал своего голоса. Он чувствовал, как с каждым произнесенным словом о «победе» и «сокрушении» из храма уходит благодать. Это была не молитва. Это было заклинание, направленное на поражение самого духа христианства.

Когда служба закончилась, Григорий чувствовал себя опустошенным. Он разоблачился в алтаре, аккуратно сложив фелонь и епитрахиль. Внутри была пустота, звенящая и холодная. Он предал то, во что верил.

Выйдя через пономарку во двор храма, он вдохнул морозный ноябрьский воздух. Город жил своей жизнью: гудели машины, спешили прохожие, светились витрины магазинов. Никто не знал, какая катастрофа только что произошла в душе одного священника.

— Отец Григорий, — раздался тихий голос из темноты.

Из тени старой липы выступил человек. На нем была потертая куртка, воротник поднят, на голову натянута вязаная шапка. Григорий не сразу узнал в

этом осунувшемся, замерзшем человеке отца Павла — священника из соседней епархии, который славился своими яркими проповедями о любви и милосердии. Месяц назад Павел внезапно исчез. Пошли слухи, что его запретили в служении за «непослушание» и связи с какими-то сектантами.

— Павел? Что ты здесь делаешь? Тебя же ищут.

— Пусть ищут, — Павел нервно оглянулся на кованые ворота храма. — У меня мало времени. Они идут по пятам.

— Кто «они»? Епархиальный суд?

Павел горько усмехнулся.

— Если бы. Суд — это просто ширма. За ними стоят люди из РАЦИРС. Центр Дворкина. Они не просто лишают сана, Григорий. Они уничтожают жизни. Они признали мою общину деструктивным культом только за то, что мы отказались собирать деньги на войну и молились о мире.

Павел сунул руку во внутренний карман куртки и достал небольшую черную флешку.

— Здесь документы. Переписка, отчеты, экспертизы. Я собирал это два года. Это не просто церковная политика, Гриша. Это глобальная сеть. Они используют религию как прикрытие для террора. Они ломают психику, натравливают спецслужбы, разрушают семьи. И эта «Молитва о Святой Руси» — лишь симптом. Верхушка айсберга.

Григорий инстинктивно отступил на шаг. — Зачем ты даешь это мне? Я простой иеромонах. Я сегодня читал эту молитву... Я струсил.

— Потому что у тебя еще осталась совесть, — жестко сказал Павел, вкладывая флешку в ладонь Григория и сжимая его пальцы. — Я видел, как ты читал. Ты умирал с каждым словом. Они питаются нашим страхом. Если мы будем молчать, от церкви останется только вывеска, под которой будет работать инквизиция.

Вдалеке, на улице, скрипнули тормоза. Хлопнула дверца автомобиля. Павел вздрогнул, его глаза расширились от ужаса.

— Мне пора. Не доверяй никому в епархии. И ради Бога, Григорий... не дай им победить.

Павел развернулся и растворился в темноте церковного двора, слившись с тенями. Григорий остался один. Холодный металл флешки жег ладонь. Он посмотрел на светящиеся окна епархиального управления, возвышающегося за храмом. Там, в теплых кабинетах, вершились судьбы, писались доносы и утверждались тексты молитв.

Яд уже был в чаше. Вирус уже проник в кровь. Но теперь у Григория было лекарство — или, по крайней мере, шанс найти его. Он спрятал флешку глубоко в карман подрясника и шагнул в темноту, понимая, что его прежняя жизнь закончилась навсегда.

Глава 1. Симптом деградации

Свет от экрана старенького ноутбука выхватывал из полумрака кельи узкую кровать, книжную полку с потертými корешками святоотеческой литературы и бледное, осунувшееся лицо иеромонаха Григория. За окном гудел холодный ноябрьский ветер, раскачивая голые ветви старого тополя, но Григорий не замечал сквозняка, тянущего из щелей разошедшейся рамы. Его взгляд был прикован к корневому каталогу черной флешки, которую несколько часов назад вложил в его руку беглый священник Павел.

Накопитель содержал десятки папок. Названия говорили сами за себя: «Директивы», «Отчеты благочиний», «Судебные решения», «РАЦИРС_внутреннее». Григорий навел курсор на папку с названием «Молитва_аналитика» и дважды кликнул мышью. Открылся текстовый документ, озаглавленный сухо и по-канцелярски. Но за этими ровными строками скрывалась катастрофа, масштаб которой Григорий только начинал осознавать.

Он начал читать. Документ возвращал его к событиям недавнего прошлого. 25 сентября 2022 года Патриарх Кирилл, в миру Владимир Гундяев, вознес новую молитву, которую затем стали предписывать к чтению в храмах Русской православной церкви. Она получила официальное название «Молитва о Святой

Руси», но в кулуарах епархиальных управлений и на приходах ее быстро окрестили «Молитвой о победе».

Григорий помнил тот день. Текст спустили сверху, как непререкаемый приказ, не подлежащий обсуждению. На первый взгляд, слова, составленные в традиционном церковнославянском стиле, выглядели как типичное религиозное прошение к Богу. В современном православии существуют тысячи подобных прошенческих молитв для самых разных нужд. Но автор документа на флешке предлагал проанализировать этот текст, всмотреться в его суть.

Григорий вчитался в выделенный абзац: «...се бо брани хотяция ополчишася на Святую Русь, чающе разделить и погубити единый народ ея».

Комментарий ниже безжалостно вскрывал подноготную этих слов. Эта фраза представляла собой концентрированную квинтэссенцию кремлевской пропаганды, переведенную на язык церковных прошений. Григорий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Четко определенный военный конфликт, в котором государство выступило инициатором боевых действий, искажался церковной риторикой и преподносился как нападение неких внешних сил на мифическую «Святую Русь». Этот концепт отсылал к историческому периоду возникновения христианства в Киевской Руси тысячу лет назад, когда ни современная Россия, ни Украина еще не существовали в их нынешнем виде.

Привязывание современного политического конструкта к исторической «Святой Руси» полностью искажало историю. Такое толкование фактически отрицало суверенитет соседнего государства, его историю и право на самоопределение. Но страшнее было другое. В основе этой манипуляции лежало внедрение в коллективное сознание верующих концепта «цивилизационного превосходства», возводящего их в ранг «избранного народа». Практика культивирования ксенофобского превосходства всегда была классическим элементом самых темных идеологий двадцатого века. А теперь она звучала с амвонов.

Григорий прокрутил страницу вниз. Следующий пример из текста молитвы ударил его наотмашь: «Возстани, Боже, в помощь людям Твоим и подаждь нам силу Твоею победу».

Это была центральная формула, вызвавшая наибольшую полемику и ставшая причиной трагедий многих священнослужителей. Молитва о победе была введена вместо прежних прошений о мире и благополучии. Через шесть месяцев после начала военного вторжения намеренно произошла подмена христианского идеала мира милитаристским понятием победы. Это смещение полностью изменило духовный фокус верующих с примирения на эскалацию.

Григорий откинулся на спинку стула и потер уставшие глаза. Документ подтверждал то, о чем он сам интуитивно догадывался, но боялся сформулировать. «Молитва о победе» никогда не была утверждена Святым Синодом. Она отсутствовала в официальных литургических книгах, таких как Евхологий. Распоряжение патриарха о ее обязательном чтении выходило за пределы его полномочий и прямо нарушало устав РПЦ. Для нынешнего церковного руководства политическая целесообразность стала превалировать над каноническим правом.

Церковь сливалась с авторитарным государством, приобретая черты закрытой корпорации. Ее учение систематически приспособлялось для оправдания этого союза. Григорий читал строки аналитической записки, и перед его глазами вставали лица архиереев, произносящих с высоких трибун речи о «смывании грехов» кровью на поле боя. Тоталитарная структура всегда действует по принципу защиты «семьи» — *la famiglia*.

Решения принимались за закрытыми дверями. Церковные суды, которые лишь формально утверждали заранее predeterminedенные исходы, превратились в закрытые трибуналы. Это создавало атмосферу липкого страха и круговой поруки в церковной среде, поощряя не духовные добродетели, а беспринципность и раболепие.

Григорий закрыл файл и посмотрел на часы. Половина шестого утра. Скоро начнется ранняя литургия. Он должен идти в храм. И он снова должен будет читать этот текст.

Воздух в соборе был стылым. Отопление работало слабо, и дыхание немногочисленных прихожан превращалось в белесые облачка пара. Григорий стоял в алтаре, облаченный в золотистую фелонь.

Григорий выглянул через боковую дверь пономарки в основной придел храма. У левого клироса, как всегда, стояла Зинаида Аркадьевна — грузная женщина в темном платке, надвинутом на самые брови. Она не молилась. Ее цепкий взгляд сканировал пространство, а в руках она сжимала смартфон. Григорий знал, что епархиальные управления используют методы слежки и доносов среди прихожан для выявления неблагонадежных клириков. Зинаида была одной из таких добровольных осведомительниц. Любое слово, сказанное на проповеди, любая интонация во время чтения обязательных текстов — все это фиксировалось и передавалось «куда следует».

Началась литургия. Григорий служил механически, его мысли постоянно возвращались к ночному чтению. Когда подошло время сугубой ектении, диакон сделал шаг в сторону, уступая место иеромонаху. На престоле лежал распечатанный лист с текстом «Молитвы о Святой Руси».

Григорий сделал глубокий вдох. Он посмотрел на черные буквы. «Подаждь нам силою Твоею победу». В голове всплыли имена из списка, который он успел просмотреть на флешке. Священник Иоанн Коваль — лишен сана за замену слова «победа» на «мир» в этой самой молитве. Одно слово. Одно евангельское слово стоило человеку всей его жизни, служения, призвания.

Григорий открыл рот. Секундная заминка показалась ему вечностью. Он чувствовал спиной взгляд Зинаиды Аркадьевны, пронзающий иконостас.

Он прочитал текст так, как было напечатано. Без изменений. Но когда пришло время проповеди, Григорий не выдержал. Выйдя на амвон, он посмотрел на лица людей. Усталые, испуганные, ищущие утешения.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, — начал Григорий, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сегодня в Евангелии мы слышали слова Спасителя: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Мир — это не просто отсутствие конфликта. Это состояние души, в котором живет Бог. Христос не призывал нас к ненависти. Он призывал нас любить врагов наших, благословлять проклинаящих нас. Времена бывают темными, братья и сестры. Но свет Христов не может быть заменен светом земных костров. Наша главная битва — это битва за собственное сердце, чтобы в нем не поселилась злоба.

Он говорил недолго, но каждое слово давалось с трудом. Краем глаза он видел, как Зинаида Аркадьевна быстро набирает текст на экране своего смартфона. Ее губы были плотно сжаты в тонкую линию.

После отпуска, когда Григорий разоблачался в алтаре, к нему подошел старший алтарник, молодой парень с испуганными глазами.

— Отец Григорий, вас благочинный просит зайти. Прямо сейчас. В административный корпус.

Григорий молча кивнул. Он аккуратно сложил поручи, поцеловал крест на епитрахили и вышел из храма.

Морозный утренний воздух обжег легкие. Административный корпус епархии располагался в двух шагах от собора — массивное здание из красного кирпича с пластиковыми окнами и камерами видеонаблюдения по периметру.

Кабинет благочинного, протоиерея Николая, встретил Григория удушливой жарой. Николай, тучный мужчина с седой окладистой бородой и холодными, водянистыми глазами, сидел за массивным дубовым столом. Перед ним лежал планшет.

— Проходи, отец Григорий. Присаживайся, — Николай указал на стул для посетителей, не поднимая глаз от экрана.

Григорий сел, чувствуя, как подрясник липнет к спине от пота.

— Я только что получил интересное сообщение, — медленно произнес благочинный, отодвигая планшет. — Касательно твоей сегодняшней проповеди. Миротворцы, значит? Любовь к врагам?

— Это слова Евангелия, отец Николай. Нагорная проповедь.

Благочинный тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла. Золотой наперсный крест с украшениями блеснул в свете настольной лампы.

— Ты дурака из меня не делай, Гриша. Мы оба прекрасно понимаем, в каком контексте ты это сказал. И после чего ты это сказал. Ты молитву прочитал? Прочитал. А потом вышел и, по сути, дезавуировал ее перед паствой. Ты что, самый умный? Или самый святой?

— Я просто напомнил людям о Христе.

Николай резко подался вперед, опершись локтями о стол. Его голос потерял елейные нотки и стал жестким, как металл.

— Ты напомнил им о неповиновении. Ты сеешь смуту. У нас сейчас не то время, чтобы разводить философские диспуты о пацифизме. Церковь — это армия. А патриарх — наш главнокомандующий. «Молитва о Святой Руси» — это не рекомендация. Это приказ. Это маркер лояльности. Лакмусовая бумажка, если хочешь.

Григорий молчал, глядя в водянистые глаза начальника.

— Ты думаешь, ты один такой сомневающийся? — Николай усмехнулся, выдвинул ящик стола и достал стопку бумаг. — Порядок не терпит внутреннего несогласия. Отказ читать молитву или даже попытка смягчить углы трактуется как нарушение присяги. Ты знаешь, что бывает с такими умниками?

Благочинный начал перебирать листы, зачитывая имена, словно вынося приговоры.

— Протоиерей Алексей Уминский. Запрещен в священнослужении и лишен сана за отказ читать молитву. Священник Андрей Кудрин. Лишен сана за чтение молитвы о примирении народов вместо официального текста. Священник Владимир Королев. Отстранен от должности настоятеля и выведен из штата за отказ собирать средства на нужды фронта. Протоиерей Вадим Перминов. Запрещен в служении. Священник Петр Устинов. Отстранен. Протоиерей Андрей Кордочкин. Запрещен. Священник Иоанн Бурдин. Оштрафован за антивоенную проповедь. Иеромонах Афанасий Букин. Лишен сана. Священник Петр Прокопцов. Запрещен за отказ благословлять военную технику. Священник Дионисий Коростелев. Отстранен и арестован. Священники Виталий Моцкус, Виталий Даупарас, Георгий Ананьев, Владимир Селявко, Гинтарас Сунгайла... Все лишены сана.

Николай бросил бумаги на стол.

— Этот список невелик. Меньше одного процента от всего духовенства. Но знаешь, почему он такой короткий? Потому что одной угрозы выбросить вас на улицу, лишить куска хлеба и статуса достаточно, чтобы сломать волю к сопротивлению у подавляющего большинства. Ты хочешь пополнить этот список, Григорий? Хочешь стать маргиналом?

— Я хочу остаться христианином, — тихо ответил Григорий.

— Христианином он хочет остаться, — передразнил Николай. — А ты знаешь, кто сейчас внимательно изучает такие вот доносы от прихожан? Экспертный совет. Люди Александра Леонидовича Дворкина. Они везде, Гриша. В каждой епархии есть их представители. Для них ты не просто непослушный клирик. Для них ты — потенциальный сектант, подверженный деструктивному влиянию извне. Одно мое слово, одна докладная записка — и тобой займутся специалисты из РАЦИРС. А они умеют ломать жизни так, что от человека остается только пустая оболочка.

Григорий почувствовал, как внутри все сжалось. Имя Дворкина, произнесенное вслух в этом кабинете, прозвучало как щелчок затвора.

— Иди к себе, отец Григорий, — устало сказал благочинный, возвращаясь к своему планшету. — И крепко подумай. Следующая твоя проповедь должна быть безупречной. Патриотичной. Иначе я не смогу тебя защитить. Да и не захочу.

Вернувшись в свою келью, Григорий запер дверь на два оборота. Руки слегка дрожали. Он подошел к столу, открыл ноутбук и снова вставил флешку. Ему нужно было понять, как глубоко пустила корни эта болезнь. Как церковь, призванная быть совестью нации, превратилась в карательный аппарат, использующий методы инквизиции.

Он открыл папку «Исторический_контекст». Документы свидетельствовали о том, что деградация началась не вчера. Это был долгий, планомерный процесс. Григорий открыл файл, посвященный событиям конца девяностых годов. Дело священника Георгия Кочеткова.

Текст описывал, как православный фундаментализм начал набирать силу. В прямом эфире на радио «Радонеж» выступали известные протоиереи, поддерживая клевету против Кочеткова. Поддержку этой травле обеспечило широкое распространение фильма «Разоблачение», сфабрикованного на основе видеозаписи событий. Удивительно, но эти видеозаписи передало само Преображенское братство в патриархию для доказательства своей невиновности. Но противники все вывернули наизнанку. Многие годы фильм распространялся в интернете, через церковные лавки, организовывались его коллективные просмотры во многих епархиях и духовных учебных заведениях.

В клир Москвы никого не принимали без свидетельства об однозначно отрицательном отношении к отцу Георгию. В итоге, распоряжением Патриарха, священник был отстранен от должности настоятеля и запрещен в служении, а 12 активных прихожан отлучены от причастия.

Григорий вчитался в воспоминания Никиты Струве, главного редактора журнала «Вестник Русского христианского движения»: «Наши расхождения с Патриархом начались в связи с запрещением, которое постигло отца Георгия Кочеткова и двенадцать его сотрудников без какой-либо фактической серьёзной причины. К этому времени окружение Патриарха заметно изменилось не в лучшую сторону (был удалён честнейший Борис Борисович Вик). Я спросил Патриарха, в чём же о. Георгий провинился, но он только мне ответил: “Он — гордый”. — “В таком случае, — сказал я, — столько нужно было бы запретить, начиная с Вашего посетителя”. Через год, так как запрещение всё длилось, я снова при очередном посещении поднял этот вопрос, умоляя о снятии запрещения. И даже в пылу сказал: “Я готов встать перед Вами на колени...”. Тут Патриарх встрепенулся и вскочил со своего кресла, умоляя этого не делать. А на прощание всё же сказал: “Пожалуйста, ко мне ещё приходите”. Но этому визиту суждено было стать последним».

Запрет был снят через два с половиной года, но гонения не закончились. Григорий открыл скан статьи из «Независимой газеты» от 8 августа 1997 года. Вывод журналиста звучал как мрачное пророчество: «...православный фундаментализм, который чрезвычайно активно набирает силу в церкви в последнее время, — явление и церковное, и общественное, так как основная его цель — борьба за власть не только в церкви, но и в обществе. Что вчера смотрелось как забавный маскарад — парады казаков, черносотенцев и т.п. — сегодня представляет реальную угрозу миру и свободе в обществе. После освобождения от “системы” коммунистической, всем нам важно подумать о том, чтобы завтра не оказаться во власти другой “системы”».

Они оказались в ее власти. Григорий перешел к следующему документу. Это была выдержка из аналитической книги. Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», картина становилась пугающе ясной. Дворкин, идеолог антикультизма, получил колоссальную власть. Перед Дворкиным распахнули все двери в государственные и церковные коридоры

власти. РАЦИРС получил особую публичную значимость после назначения Дворкина в экспертные структуры при Министерстве юстиции, а через своих adeптов в епархиях Дворкин фактически контролировал всю церковь.

Неугодные представители Церкви, способные мыслить критически, изгонялись. Остались лишь те, кого можно было беспрепятственно контролировать. Произошла страшная, циничная подмена понятий. То, что завещал Иисус Христос — любовь, милосердие, прощение, — было выпотрошено и заменено агрессией и нетерпимостью. Дошло до абсолютного абсурда: оправдывая военное противостояние, последователи этой мутировавшей идеологии открыто заявили, что сейчас время не Нового Завета, а Ветхого. Время «ока за око». У всех на глазах они изгнали из своей церкви самого Христа.

Используя методы тотального психологического контроля и стигматизации, идеолог антикультизма превратил в подобие тоталитарной секты не только саму церковь, но и всю страну. В России снова наступил 1937 год. Только теперь расстрельные тройки заменили «религиоведческие экспертизы», а врагов народа стали называть «сектантами».

Григорий читал о том, как глубокая потребность общества в духовном авторитете натолкнулась на косность патриархии, которая десятилетиями осуществляла поставленную перед ней цель: прикрываясь религиозной деятельностью, ревностно служить антирелигиозному тоталитарному государству. Попытки церковного возрождения снизу, со стороны общин и рядового духовенства, жестоко пресекались.

Он открыл еще один файл, посвященный милитаризации сознания. В нем описывалось, как на многих ключевых должностях в государстве, особенно в военной отрасли и спецслужбах, сидят люди, демонстрирующие показную «воцерковленность». Но эта воцерковленность не имела ничего общего с верой. Ряса, кресты и поездки по святым местам стали просто униформой. Специфическим маркером принадлежности к закрытому радикальному ордену, где религиозные догмы давно выкинуты за ненадобностью и используются исключительно для сакрализации собственной власти, тотального контроля над ресурсами и циничного оправдания любой агрессии.

Григорий сидел в тишине своей кельи, окруженный невидимыми стенами цифровых документов, которые рушили всю его прежнюю картину мира. Церковь, которой он отдал свою молодость, свои силы, свою веру, оказалась захвачена. Вирус проник в самую сердцевину, подменив живую кровь мертвой идеологией. И он, иеромонах Григорий, был частью этой системы. Он читал их молитвы. Он носил их форму.

Внезапно тишину разорвал резкий, требовательный стук в дверь.

Григорий вздрогнул. Стук повторился — громче, настойчивее. Кто-то дернул ручку двери.

— Отец Григорий! Открывайте! — раздался из коридора незнакомый, властный голос. — Епархиальная комиссия. Нам нужно осмотреть ваше помещение.

Глава 2. Встреча в тени

Григорий замер, чувствуя, как ледяной холод сковывает внутренности. Взгляд метнулся к светящемуся экрану ноутбука, затем к черному пластику флешки, торчащей из порта. Времени на раздумья не было. Он одним движением выдернул накопитель, захлопнул крышку лэптопа и огляделся. Келья была крошечной: кровать, стол, шкаф, книжная полка. Спрятать что-то надежно здесь было практически невозможно.

Его взгляд упал на массивное латунное распятие, стоящее на верхней полке среди томов Иоанна Златоуста. Григорий схватил крест, перевернул его. Основание было полым, заклеенным плотным зеленым сукном. Подцепив край ткани ногтем, он оторвал ее ровно настолько, чтобы протолкнуть флешку внутрь, в темную пустоту металла, и прижал сукно обратно.

— Иду! — крикнул он, стараясь придать голосу сонную хрипотцу.

Он подошел к двери и повернул ключ. На пороге стояли трое. Впереди — отец Иоанн, молодой секретарь епархии, с бледным, испариной покрытым

лицом. За его спиной возвышались двое мужчин в одинаковых темных куртках гражданского покроя. У них была та специфическая, тяжелая стать, которая безошибочно выдает людей, привыкших применять силу.

— Простите за поздний визит, отец Григорий, — быстро заговорил секретарь, отводя глаза. — Распоряжение благочинного. Внеплановая проверка жилых помещений клириков на предмет пожарной безопасности и наличия несанкционированной литературы.

Один из мужчин в штатском, не дожидаясь приглашения, шагнул в келью. От него пахло морозной свежестью, дешевым табаком и едва уловимым запахом оружейной смазки. Он молча прошел к столу, положил широкую ладонь на закрытый ноутбук.

— Теплый, — констатировал он глухим, лишенным эмоций голосом. — Не спится вам, батюшка. Что читали?

— Готовился к воскресной проповеди, — ровно ответил Григорий, чувствуя, как под рясой по спине течет холодный пот. — Изучал толкования святых отцов на Евангелие от Матфея.

Мужчина обвел взглядом книжные полки, задержавшись на латунном распятии, затем посмотрел на узкую кровать. Его напарник в это время методично, не скрываясь, просматривал корешки книг в шкафу.

— Святые отцы — это хорошо, — медленно произнес первый мужчина, поворачиваясь к Григорию. Его глаза были абсолютно пустыми, как у хищника, оценивающего жертву. — Главное, чтобы толкования были правильными. Утвержденными. А то сейчас много всякой заразы в умах бродит. Сектантской.

Они пробыли в келье еще около десяти минут. Ничего не нашли, ничего не забрали, но их уход оставил после себя гнетущее чувство неминуемой катастрофы. Григорий запер дверь и прислонился к ней лбом. Дыхание срывалось. Он понял главное: оставаться в городе, пользоваться цифровыми устройствами, ходить по освещенным улицам — значит добровольно загнать себя в капкан. Цифровые следы стали слишком опасными. Ему нужно было встретиться с Павлом лицом к лицу. Узнать, с чем именно они столкнулись.

Когда Павел передавал ему флешку, он успел шепнуть всего одну фразу: «Если начнется охота, ищи меня в урочище Липовый Овраг. Старый скит».

Григорий переоделся. Он снял подрысник, облачившись в плотный темный свитер, потертые джинсы и старую, неприметную куртку. Свой смартфон он оставил на столе, включив на нем длинную аудиолекцию по литургике, чтобы создать иллюзию присутствия для тех, кто мог прослушивать помещение. Флешку он достал из распятия и зашил в подкладку куртки.

Он покинул территорию собора через задний двор, где располагалась пекарня. Запах свежего хлеба смешивался с морозным воздухом. Перемахнув через невысокую кирпичную ограду, Григорий оказался в лабиринте темных переулков.

Добираться до Липового Оврага пришлось долго. Сначала на ночном автобусе до окраины города, затем пешком до трассы. Там, на продуваемой ледяным ветром стоянке дальнобойщиков, он уговорил водителя груженой фуры подбросить его до нужного поворота. Водитель, угрюмый мужик в засаленной кепке, взял деньги молча и всю дорогу курил, не задавая лишних вопросов.

За два километра до урочища Григорий попросил остановить машину. Фура, тяжело взревев мотором, скрылась в снежной пелене, оставив его одного на обочине пустой трассы. Вокруг расстился глухой, заснеженный лес.

Григорий свернул на узкую проселочную дорогу, ведущую к заброшенной деревне. Снег здесь был глубоким, нетронутым, идти было тяжело. Мороз обжигал лицо, но внутри Григория горел адреналин.

Примерно через полчаса пути он услышал звук. Низкое, утробное урчание мощного двигателя. Звук доносился сзади, со стороны трассы. Григорий обернулся. Сквозь редкий кустарник он увидел, как по проселку, не включая фар, медленно ползет темный внедорожник. Машина двигалась крадучись, словно зверь, идущий по следу.

Сердце Григория пропустило удар. Это была не случайная машина. За ним шли.

Он мгновенно сошел с дороги, провалившись по пояс в снег, и бросился в чащу. Ветки хлестали по лицу, царапая кожу, снег забивался за воротник. Он пробежал около сотни метров и упал за ствол поваленной сосны, затаив дыхание.

Внедорожник остановился ровно в том месте, где Григорий сошел с дороги. Хлопнули дверцы. В ночной тишине раздался хруст тяжелых шагов по насту. Два луча мощных тактических фонарей разрезали темноту, скользя по деревьям, высвечивая каждую ветку.

— Следы уходят в лес, — раздался грубый голос.

— Далеко не уйдет. Снег глубокий. Возвращаемся в машину, пообедем с другой стороны, перекроем выход к деревне.

Дверцы снова хлопнули, двигатель взревел, и машина двинулась дальше. Григорий лежал в снегу, чувствуя, как холод проникает сквозь одежду. Это была уже не церковная политика. Это была физическая охота. Настоящая, с применением оперативных методов.

Выждав несколько минут, он поднялся и пошел сквозь лес, параллельно дороге, стараясь ступать бесшумно. Мышцы горели от напряжения, легкие разрывались от ледяного воздуха.

Липовый Овраг встретил его мертвой тишиной. Десяток покосившихся, сгнивших срубов с провалившимися крышами торчали из-под снега, как гнилые зубы. В центре деревни возвышался остов старой каменной церкви. Купол давно рухнул, окна зияли черными провалами.

Григорий подошел к руинам. Внутри, за остатками кирпичного иконостаса, едва брезжил тусклый свет. Он осторожно шагнул под своды, стараясь не шуметь.

— Павел? — позвал он шепотом.

Из темноты метнулась тень. Чья-то рука схватила его за плечо, втягивая в нишу за алтарем.

— Тише! — прошипел знакомый голос.

Григорий всмотрелся в лицо стоявшего перед ним человека и едва сдержал вздох ужаса. От прежнего отца Павла, статного, улыбчивого священника с ясным взглядом, не осталось и следа. Перед ним стоял изможденный, заросший грязной щетиной человек с лихорадочно блестящими, ввалившимися глазами. На нем был надет старый армейский бушлат, руки дрожали.

— Ты пришел, — выдохнул Павел, отпуская плечо Григория. — Значит, они уже приходили к тебе.

— Приходили. Двое в штатском. Искали литературу. Я еле успел спрятать флешку. Павел, за мной гнались. Внедорожник, без фар. Они где-то здесь, перекрыли дорогу.

Павел закрыл глаза и прислонился затылком к холодной кирпичной стене.

— Я знал, что они пустят по следу наружку. Цифровые документы — это только половина правды, Гриша. То, что ты читал на флешке — это теория. А здесь, — он похлопал по толстой брезентовой сумке, лежащей у его ног, — здесь практика. Физическая реальность.

Павел опустился на корточки возле маленькой туристической горелки, дававшей тусклый синий свет. Григорий сел рядом, чувствуя, как дрожь бьет его тело — то ли от холода, то ли от пережитого страха.

— Кто эти люди в штатском? — спросил Григорий. — Это епархиальная служба безопасности?

Павел горько усмехнулся.

— Если бы. Епархия — это просто ширма. Исполнители. Те, кто за тобой шел, — это люди, связанные с РАЦИРС.

— С центром Дворкина? Но это же просто общественная организация. Экспертный совет. Как они могут осуществлять физическую слежку?

Павел расстегнул сумку и достал оттуда стопку распечатанных листов, скрепленных степлером. Бумага была влажной и помятой.

— Общественная организация? Гриша, ты слишком долго сидел в своем соборе и читал святых отцов. РАЦИРС давно превратился в карательный орган. В инквизицию, которая действует вне церковных канонов и светских законов. Они подмяли под себя всё.

Павел протянул Григорию несколько листов.

— Читай. Это расшифровка интервью с Валерием Отставных, бывшим сотрудником миссионерского отдела, который видел систему изнутри. Читай вслух, чтобы до тебя дошло, с чем мы имеем дело.

Григорий поднес листы поближе к синему пламени горелки. Буквы прыгали перед глазами. Он начал читать:

«— Тогда небольшой вопрос к теме отца Владимира Головина и его православного прихода в городе Болгар. Вот несколько жалоб поступило в РАЦИРС на этот приход, они посмотрели, не хочется к нему ехать, чего-то с ним решать, проще “обличить”. Но ведь у нас речь идёт не о какой-то группе, которая сидит у себя где-то в подполье и что-то там странное делает. У нас здесь вполне каноничный, вполне православный храм, который в полном подчинении у Русской православной церкви, признаёт церковноначалие, у которого есть свой епископ и так далее. И тем не менее РАЦИРС выпускает ряд публикаций, которые, в общем-то, гремят на всю округу. На это была резко-негативная реакция в социальных сетях со стороны паствы отца Владимира, которые его защищали, много комментариев было. Видно, что люди реально расстроены, реально обижены.

— Когда РАЦИРС делает что-то подобное, она у руководства Церкви должна какую-то санкцию получить на это, или они творят что хотят в этом плане?

— Нет, РАЦИРС — это общественная организация. Православная общественная организация, которая действует по благословению патриарха, она имеет право давать оценку деятельности тех или иных религиозных организаций, в том числе внутри православной церкви.

— Получается, что не нужно со стороны Патриархии какого-то одобрения?

— Нет. Раньше у Александра Дворкина были хорошие отношения с патриархом Алексием II, не знаю, как сейчас с Кириллом. Поэтому, нет. Они действуют самостоятельно, абсолютно автономно и ни на кого не оглядываются. Получается, знаете, такая служба внутренней безопасности, наподобие служб собственной безопасности в МВД, ФСБ и иных спецслужбах.

— Ну да, которая за коррупцией в рядах следит и так далее?

— Не столько за коррупцией, сколько за дисциплиной и единомыслием. РАЦИРС стал восприниматься архиереями как некая служба собственной безопасности, которая непосредственно подчинена патриархату. Хотя это нигде не прописано, так сложилось. И её действия, её позиция — это позиция

патриархии или патриарха, как минимум. Это нигде не озвучивается, но, я думаю, что это подразумевается.

— А в реальной жизни это как проявляется?

— Ни разу не видел, чтобы Дворкина или РАЦИРС как организацию кто-то из архиереев поставил на место, или попытался дискутировать или попытался конфликтовать с ними. Ни прошлый патриарх, ни нынешний ни разу этого не делали на моей памяти».

Григорий опустил листы. Слова Отставных били наотмашь. Служба внутренней безопасности. Контроль за единомыслием. Ни один архиерей не смеет им перечить.

— Понимаешь теперь? — тихо спросил Павел. — Они создали структуру, которая стоит над епископами. Над канонами. Любая неудобная инициатива, любой священник, который начинает думать самостоятельно, мгновенно получает ярлык «тоталитарная секта» или «деструктивный культ». А дальше в дело вступают те самые люди в штатском.

— Но откуда у них силовой ресурс? — не понимал Григорий. — Церковь отделена от государства.

Павел достал следующий документ.

— Отделена? Гриша, ты живешь в иллюзиях. Произошло почти полное слияние. Когда государству понадобилось закручивать гайки, они использовали церковные структуры для поиска врагов. Смотри, вот еще один фрагмент из того же расследования. О том, как светские силовики пришли к церковным миссионерам.

Григорий взял следующий лист и продолжил чтение:

«КАК УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ ПРИШЁЛ В МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ»

— Зачем людей пугать? Не просто же для удовольствия. Вы считаете, что заказчиком, выгодоприобретателем, в данном случае является именно Русская православная церковь?

— Однозначно. Русская православная церковь, которая опирается на силовые структуры. Сейчас я вам расскажу очень интересный случай... Когда в 2011 году упразднили Управление по борьбе с организованной преступностью в

системе МВД, знаменитый убойный отдел, помните? “Улицы разбитых фонарей” и так далее. Помните этих персонажей, которые любят выпить, но проснутся и хорошие парни. Они могут и в рыло дать, но только откровенному бандиту. Вот они действительно такие все. И методы, и “подходцы”, как говорил Глеб Жеглов, у них такие. Но поскольку организованная преступность у нас давно легализовалась и слилась с официальными структурами, то их упразднили. И что с ними делать? Их превратили в центры по борьбе с экстремизмом. И вот эти ребята с “Улицы разбитых фонарей”, без образования, без представления, какая тонкая материя религия, как вообще нужно работать с людьми, как вербовать, как опрашивать, как беседовать свои методы перенесли на простых людей. Людей верующих, с тонкой душевной организацией. Вначале они начали судорожно искать себе объект для работы. Они его нашли в лице националистов. Они почему-то вначале решили, что главная угроза России — это националисты. Я помню тот период. Потом националисты быстро “кончились”, их как-то не хватало для отчётности, и тогда, я помню, они первый раз пришли к нам в Миссионерский отдел. Пришли сотрудники Тульского Центра по борьбе с экстремизмом при УВД области. Они пришли к нам и откровенно сказали: “Ребята, вы знаете, мы боролись с националистами, но что-то они у нас кончились, и нам не с кем бороться теперь. И мы слышали, что вы тут тоже боретесь, молодцы какие, тоже с какими-то гадами, врагами государства, с сектантами. Но у нас про них никакой информации нет. Не можете поделиться с нами информацией? Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры всяких религиозных деструктивных общин Тульской области?”. Ну, вот мой коллега, Алексей, взял и начал с ними сотрудничать. Точнее, Миссионерский отдел в его лице. Мне, как говорят на блатном жаргоне, общаться и сотрудничать с ними было “западло”, потому что с конца 2011 года я стал человеком политизированным, то есть я перешёл в протест, оставаясь ещё внутри Церкви. И этим ребятам подсказали, где, кто, какие “нехорошие” люди и организации существуют в Тульской области, координаты дали и какую-то литературу, чтобы они познакомились. По-моему, учебное пособие того же Дворкина и ещё какие-то книги подарили.

— А они какими-то конкретными преступлениями интересовались или просто спрашивали про каких-то “плохих людей”?

— Они спрашивали: где злодеи живут? Какие секты деструктивные в Тульской области, какие у них адреса, кто у них пасторы и так далее».

Григорий отложил бумагу. Холод пробирал до костей, но теперь это был холод осознания. Центр по борьбе с экстремизмом. Убойный отдел, переквалифицировавшийся на верующих. И церковные структуры, радостно сдающие им списки «неблагонадежных».

— Как мы дошли до этого? — прошептал Григорий. — Когда это началось?

— Давно, — ответил Павел, подбрасывая сухую ветку в пламя горелки. — Это не возникло в один день. Систему обкатывали годами. Использовали антикультовую риторику для подавления самых выдающихся, самых ярких священников и педагогов. Тех, кто собирал вокруг себя живые общины. Тех, кто учил людей думать, а не просто маршировать строем.

Павел порылся в сумке и достал еще одну папку.

— Вспомни отца Анатолия Гармаева. Вспомни отца Георгия Кочеткова. Они были первыми мишенями. Их общины были живыми, настоящими. И что с ними сделали? На них навесили ярлыки.

Павел открыл папку и достал историческую справку.

— Оппоненты создали отцу Георгию образ ересиарха. Использовали интернет, блоги, форумы. Анонимные пользователи публиковали ссылки на фильм-фальшивку «Разоблачение» и на сайт главного идеолога антикультового движения. Клевета заполонила всё. Они даже пытались давить на патриарха. Вот, послушай, что писали в анонимной записке, переданной на епархиальном собрании:

«По совести говоря, о. Георгия Кочеткова следует не поздравлять, а запретить».

— И это сработало? — спросил Григорий.

— Сработало. Хотя за него вступались лучшие умы. Протоиерей Павел Адельгейм тогда ответил на эту травлю. Вот его слова:

«Благосклонность Патриарха, поздравления митр. Ювеналия, арх. Иллариона, еп. Серафима и еп. Меркурия, православных иерархов западных и восточных церквей, множества богословов и учёных, российских и зарубежных,

принимавших участие в ежегодных конференциях Свято-Филаретовского института, свидетельствуют о высоком церковно-научном значении его деятельности».

— Но даже это не помогло, — с горечью продолжил Павел. — Потому что логика инквизиции не нуждается в научных или богословских аргументах. Ей нужны враги. К Братству Кочеткова стали применять слова «сектанты», «тоталитарная секта», «методы контроля сознания». И автор этих ярлыков — всё тот же человек. Руководитель РАЦИРС.

Павел замолчал, вслушиваясь в завывание ветра за разрушенными стенами храма.

— А потом, Гриша, они перешли от слов к делу. От газетной травли к физическому уничтожению жизней. Я видел это своими глазами. В моем приходе была семья. Обычные, верующие люди. Но они отказались участвовать в сборах, отказались поддерживать агрессию. Их мгновенно записали в «деструктивный культ».

Голос Павла дрогнул. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Внезапно они оказались в мире, нацеленном на их уничтожение. Детей начали травить в школе. Учителя занижали оценки, родители других учеников требовали отсадить этих «сектантов». В родительских чатах агенты антикультистов разгоняли слухи и сплетни. Общество накачали ненавистью. А потом... однажды ночью кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью в открытое окно детской спальни.

Григорий вздрогнул.

— Господи помилуй... Дети выжили?

— Родители успели потушить. Но это было только начало. Через несколько недель отец потерял работу. Ему прямо сказали, что таким людям нет места в приличной фирме. Кто-то позвонил руководству и расписал его участие в «преступной секте». Куда бы он ни пытался устроиться, везде был отказ. Пошла негласная директива. Они пытались защищаться, обращались в СМИ. Но кто поверит «сектантам»? Их голоса заглушили. А закончилось всё тем, что приехали правоохранительные органы и арестовали родителей, обвинив их в участии в террористической организации и её финансировании.

Павел посмотрел прямо в глаза Григорию.

— Вот что такое РАЦИРС. Вот что такое современная инквизиция. Это не просто запрет в служении. Это сломанные судьбы, сожженные дома, тюремные сроки. И они идут за нами, Гриша.

Внезапно снаружи, сквозь вой ветра, прорвался чужеродный звук. Хруст ломающихся веток. Скрип снега под тяжелыми ботинками. И этот звук раздавался не со стороны дороги, а совсем рядом, у самых стен алтаря.

Павел мгновенно погасил горелку. Храм погрузился в абсолютную, непроглядную тьму.

— Нашли, — одними губами прошептал Павел.

Сквозь пустые оконные проемы ударили ослепительно белые лучи тактических фонарей. Они заметались по стенам, выхватывая из мрака куски осыпающихся фресок.

— Оцепить периметр! — раздался резкий, властный голос снаружи. — Проверить подвалы и алтарную часть. Если побегут — брать жестко.

Павел схватил свою брезентовую сумку и впихнул ее в руки Григория.

— Здесь все оригиналы документов. Схемы финансирования, приказы о взаимодействии с Центром Э, досье на жертв. Забирай.

— А ты? — Григорий вцепился в ремень сумки. — Мы уйдем вместе!

— Нет времени! — Павел силой толкнул его к темному провалу в полу, скрытому за остатками дьяконника. — Там старая крипта. Из нее идет подземный ход к реке, его вырыли еще в двадцатые годы, когда прятали святыни от большевиков. Я их задержу.

— Павел, они убьют тебя!

— Если мы оба попадемся, правду никто не узнает. И тогда они победят окончательно. Беги, Гриша! Ради Христа, беги!

В этот момент в главный вход храма ворвались люди. Лучи фонарей ударили по алтарной преграде.

— Вон они! За алтарем!

Павел с диким криком бросился навстречу лучам света, опрокидывая на ходу тяжелый металлический подсвечник. Раздался грохот, ругань, звуки глухих ударов.

Григорий, не помня себя от ужаса, скользнул в провал крипты. В нос ударил запах сырой земли и плесени. Он нащупал ногами неровные земляные ступени и начал спускаться в крошечную тьму. Наверху слышалась возня, тяжелое дыхание и звук удара плоти о камень. Затем наступила страшная тишина, прерываемая лишь скрипом снега под сапогами.

Григорий нащупал узкий лаз, ведущий в сторону от храма, и пополз по нему на четвереньках. Земля осыпалась за шиворот, корни деревьев царапали лицо. Он полз, прижимая к груди сумку с документами, задыхаясь от спертых воздуха и паники. Ему казалось, что этот туннель никогда не закончится, что он станет его могилой.

Спустя бесконечно долгие минуты впереди забрезжил тусклый, серый свет. Григорий рванулся вперед, разгребая руками снег, заваливший выход, и вывалился на крутой берег замерзшей реки.

Ледяной ветер ударил в лицо, возвращая способность дышать. Григорий скатился по склону вниз, под защиту нависших корней старой ивы, и обернулся.

Высоко на холме, над черными силуэтами деревьев, возвышался остов разрушенного храма. Внутри него металась лучи фонарей. Один из лучей внезапно вырвался через проваленную крышу и ударил прямо в низкое, затянутое тучами небо, словно прожектор противовоздушной обороны, ищущий цель.

Григорий сидел на льду, прижимая к себе сумку. Он был один. В холоде, в темноте, вне закона и вне системы, которой служил всю жизнь. В его руках были доказательства того, как церковь превратилась в карательный аппарат. Но теперь он знал, что за эти доказательства придется платить кровью. И охота только началась.

Глава 3. Догма войны

Ледяной ветер пронизывал до костей, пока Григорий шагал по обочине пустой трассы. Снег скрипел под подошвами тяжелых ботинок, а брезентовая сумка, переданная Павлом, оттягивала плечо, словно была набита свинцом. После побега из разрушенного храма в Липовом Овраге он несколько часов пробирался через лес, пока не вышел к небольшой железнодорожной станции. Утренний пригородный поезд, пахнувший сыростью и дешевым табаком, доставил его обратно в город.

Возвращаться в свою келью при соборе было равносильно самоубийству. Епархиальное управление наверняка уже зафиксировало его отсутствие. Ему нужно было безопасное место, чтобы изучить содержимое сумки. Место, где нет цифровых камер, электронных пропусков и любопытных глаз добровольных осведомителей.

Григорий свернул в узкий переулок исторического центра, направляясь к комплексу зданий старой духовной семинарии. В дальнем крыле, в полуподвальном помещении, располагался исторический архив библиотеки. Там, среди стеллажей с дореволюционными изданиями и пыльными подшивками епархиальных ведомостей, нес свое послушание отец Серафим — пожилой архивариус, с которым Григорий когда-то вместе учился. Серафим жил в мире бумаг и категорически не признавал компьютеров, что сейчас делало его подвал идеальным укрытием.

Подойдя к неприметной металлической двери, наполовину скрытой сугробом, Григорий постучал условным стуком: два коротких, один длинный. За дверью послышалось шарканье, лязгнул тяжелый засов.

— Гриша? — подслеповато щурясь, прошептал Серафим. На нем был выцветший подрясник, а в руках он держал фонарик. — Ты с ума сошел. По всем благочиниям разослали циркуляр. Тебя ищут. Сказали, что ты самовольно покинул место служения и подозреваешься в хищении церковного имущества.

— Мне нужно несколько часов, отче. И тишина, — Григорий протиснулся внутрь, чувствуя знакомый, успокаивающий запах старой бумаги и книжной пыли.

Серафим молча кивнул, задвинул засов и провел его вглубь архива, к массивному дубовому столу, освещенному единственной лампой с зеленым абажуром.

Григорий опустился на жесткий стул и положил сумку на стол. Руки все еще дрожали от холода и пережитого адреналина. Он расстегнул тугую молнию и выложил на столешницу стопки документов, папки, скрепленные скоросшивателями, и несколько распечатанных рукописей. Это был физический архив Павла — то, что невозможно было стереть удаленным доступом или заблокировать.

Ему нужно было понять генезис болезни. Когда именно церковь, призванная быть совестью общества, начала мутировать? Когда живая вера стала инструментом подавления?

Он открыл первую папку, на которой маркером был выведен год: «2000».

Внутри лежали копии документов Юбилейного Архиерейского собора. Григорий начал вчитываться в подчеркнутые красным абзацы. Утверждение «Основ социальной концепции» Русской Православной Церкви в 2000 году преподносилось тогда как величайший прорыв. Это был один из ключевых для РПЦ документов, системно описывающих отношение церкви к государству, политике, труду и войне.

Григорий помнил то время. Ему казалось, что церковь обретает свой независимый голос. В документе даже было прописано право на гражданское неповиновение, если государство принуждает верующих к греху. Но бумаги из архива Павла показывали совершенно иную картину. Социальная концепция стала не щитом от государственного вмешательства, а отправной точкой для изменения роли церкви в обществе.

Он читал внутренние аналитические записки того периода. Государство, выходящее из хаоса девяностых, отчаянно нуждалось в новой, объединяющей идеологии. А церковное руководство, уставшее от бедности и маргинального статуса, жаждало влияния, недвижимости и статуса. Произошел негласный

обмен. Социальная концепция, с ее идеей сотрудничества церкви и государства, на практике стала удобным богословско-политическим оправданием всё более тесного союза.

Постепенная трансформация РПЦ из духовного института в инструмент государственной пропаганды и идеологического контроля происходила незаметно, шаг за шагом. Сначала это были совместные комиссии, затем — государственное финансирование церковных проектов, передача зданий, введение уроков религии в школах. Взамен от церкви требовалась абсолютная лояльность. Любая критика действий власти была негласно запрещена. Церковь начала обслуживать политические интересы, сакрализируя решения чиновников.

Но для того, чтобы держать в повиновении огромную структуру, состоящую из тысяч священников и миллионов прихожан, одной лояльности верхушки было недостаточно. Нужен был внутренний кнут. Нужна была структура, которая будет выявлять и уничтожать несогласных до того, как их голос станет слышен.

Григорий отодвинул папку двухтысячного года и взял следующую, озаглавленную аббревиатурой «РАЦИРС».

Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Официально — общественная организация, занимающаяся апологетикой и защитой граждан от деструктивных культов. Неофициально — карательный аппарат.

Григорий углубился в финансовые отчеты и копии грантовых заявок, которые Павлу каким-то чудом удалось достать. Цифры говорили сами за себя. Деятельность РАЦИРС была не просто идеологической борьбой — это был колоссальный, высокорентабельный бизнес. Финансовая и политическая выгода антикультовых организаций от разжигания ненависти и создания образа внутреннего врага была ошеломляющей.

Он изучал схемы финансирования. Государственные субсидии на «профилактику экстремизма», щедрые пожертвования от крупных бизнесменов, напуганных рассказами о сектантах, отбирающих квартиры, целевые транши из региональных бюджетов. Чтобы этот финансовый поток не иссякал, РАЦИРС должна была постоянно демонстрировать свою

эффективность. А для этого нужны были враги. Если реальных опасных сект не хватало, их нужно было придумать.

Григорий нашел показательный эпизод, описанный в докладной записке от 2009 года. В одной из центральных епархий молодой, энергичный священник, отец Алексей, организовал православный молодежный центр. Они ходили в походы, изучали Евангелие, помогали бездомным. Центр стал невероятно популярным, привлекая сотни подростков. Но отец Алексей имел неосторожность отказаться от сотрудничества с местным отделением РАЦИРС и не захотел внедрять в свою программу их военизированные патриотические методички.

Реакция последовала незамедлительно. В епархию прибыл представитель РАЦИРС, некий Игорь Волков. В течение месяца в местных газетах вышла серия статей, обвиняющих отца Алексея в создании «неоязыческого культа» внутри церкви и применении «техник контроля сознания». Молодежный центр был разгромлен проверками. Епископ, испугавшись скандала, запретил Алексея в служении. А самое главное — государственное финансирование в размере нескольких миллионов рублей, изначально выделенное на поддержку молодежных инициатив в регионе, было оперативно перенаправлено на счета военно-патриотического клуба, курируемого тем самым Игорем Волковым.

Это была идеальная схема. РАЦИРС действовала как внутренняя служба безопасности, диктующая повестку. Они решали, кто является православным, а кто — сектантом. Они могли уничтожить репутацию любого священнослужителя, а в отдельных случаях — даже влиятельных церковных фигур, если тот осмеливался проявить самостоятельность. Страх перед обвинением в сектантстве парализовал церковную мысль.

Григорий потерял виски. Голова гудела от обилия информации. Он взял в руки толстую распечатку, похожую на черновик книги или аналитический отчет. На титульном листе не было имени автора, но текст был плотным, насыщенным фактами.

Он начал читать, и с каждой страницей ему становилось все страшнее. Текст описывал, как антикультовая идеология, изначально направленная на

подавление конкурентов, постепенно трансформировалась в нечто гораздо более злое.

Григорий прочел следующий фрагмент: «Факты указывают на то, что именно деструктивная деятельность Дворкина стала причиной многочисленных расколов и конфликтов среди духовенства. Он искажил само понимание церковного служения, постепенно вытесняя суть учения о любви и милосердии и заменяя его идеологией нетерпимости. Под его влиянием РПЦ фактически отвергла Нагорную проповедь, где Спаситель прямо противопоставлял старые законы Ветхого Завета, основанные на мести и возмездии (“Око за око”), новым заветам: “Не убивай”, “Любите врагов ваших”. Но разве Дворкину и его сети нужен Бог любви? То, что я обнаружил сейчас, указывает лишь на то, что им нужен был бог войны. И они его создали. Если сегодня через рупор Православной Церкви, через ее главные медиаканалы звучат призывы к ветхозаветной этике насилия, к сжиганию врагов из огнеметов и освящению баллистических ракет, то возникает закономерный вопрос: кому они на самом деле служат? Они превратили религию в инструмент власти и подавления. И, как показывает история, те, кто рассматривает религию исключительно как политический инструмент, всегда будут защищать его, поскольку он дает им неограниченное право на применение насилия. Эта искаженная, агрессивная идеология, проповедующая избранность одних и неполноценность других, стала идеальной почвой для подготовки к войне».

Григорий отложил листы. Бог войны. Вот что они сделали. Они выпотрошили христианство, оставив от него лишь внешнюю оболочку — купола, облачения, кадила. А внутрь поместили древнего, кровожадного идола, требующего человеческих жертв.

Внезапно наверху, на первом этаже семинарии, раздался грохот открывающихся парадных дверей. Сквозь толстые своды подвала донеслись приглушенные, но властные голоса.

Отец Серафим, дремавший в кресле у входа в архив, встрепенулся и быстро подошел к столу Григория.

— Комиссия, — одними губами произнес старик, и в его глазах плескался неподдельный ужас. — Внеплановая проверка библиотечных фондов. С ними люди в штатском. Гриша, тебе нужно уходить. Немедленно.

Григорий лихорадочно начал сбрасывать документы обратно в брезентовую сумку.

— Куда? Здесь есть другой выход?

— В конце зала, за стеллажами с периодикой, есть старый угольный люк. Он выходит во внутренний двор, за котельную. Я задержу их у входа, скажу, что потерял ключи от решетки.

Григорий застегнул сумку, закинул ее на плечо и бесшумно скользнул в узкий проход между высокими металлическими стеллажами. В архиве было темно, пахло сыростью и мышами. Он добрался до дальней стены и нащупал холодный металл угольного люка. Засов заржавел. Григорий навалился на него всем весом, стараясь не шуметь.

В этот момент наверху, прямо над вентиляционной решеткой, расположенной под потолком архива, раздались шаги. Кто-то остановился в коридоре первого этажа. Акустика старого здания была такова, что Григорий слышал каждое слово так четко, словно стоял рядом с говорящими.

— ...мы не можем допустить распространения несанкционированной литературы среди семинаристов, отец ректор, — произнес жесткий, металлический голос. Григорий узнал его. Это был тот самый человек в штатском, который приходил к нему в келью прошлой ночью.

— Но помилуйте, — голос ректора семинарии дрожал от возмущения и страха. — У нас академическая библиотека. Здесь хранятся труды философов, исторические документы. Мы не можем изъять все, что не соответствует текущей политической повестке.

— Вы, кажется, не понимаете серьезности ситуации, — холодно отрезал человек в штатском. — РАЦИРС инициировала провести полную ревизию. У нас есть информация, что в стенах вашей семинарии зреют настроения, противоречащие официальной позиции Церкви и государства. Любая литература, ставящая под сомнение необходимость защиты нашего отечества любыми средствами, будет изъята. А преподаватели, рекомендующие такие

книги, будут немедленно отстранены. Вы же не хотите, чтобы вашу семинарию признали рассадником деструктивных идей?

Григорий замер, прижавшись щекой к холодной кирпичной стене. Это было прямое подтверждение того, что он только что прочитал. РАЦИРС диктовала повестку ректорам и епископам, используя силовой ресурс государства.

Он с силой рванул засов угольного люка. Ржавое железо поддалось с тихим скрежетом. Григорий протиснулся в узкое отверстие, испачкав куртку в многолетней угольной пыли, и выбрался на морозный воздух внутреннего двора.

Спрятавшись за кирпичной трубой котельной, он достал из сумки еще один документ, который успел захватить со стола. Это была стенограмма выступления государственного чиновника. Вирус расчеловечивания, зародившийся в недрах антикультовых центров, давно покинул церковную ограду и поразил высшие эшелоны власти.

Григорий вчитался в текст, щурясь от слепящего зимнего солнца, отражающегося от снега. Это были слова помощника секретаря Совета безопасности РФ Алексея Павлова: «Полагаю, что с продолжением специальной военной операции становится все более насущным проведение десатанизации Украины, или, как метко выразился глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, ее “полной дешайтанизации”».

Далее по тексту чиновник заявлял, что Украина превратилась в «тоталитарную гиперсекту».

Григорий опустил бумагу. Терминология Дворкина, изначально придуманная для травли неудобных священников и мелких религиозных групп, теперь применялась к целому суверенному государству. Если целая страна объявляется «сектой», значит, ее население лишается человеческих прав. С сектантами не ведут переговоров. Их «спасают» путем уничтожения.

В памяти Григория всплыли другие цитаты, которые он видел в материалах Павла. Слова тех, кто должен был проповедовать Христа, но стал жрецом новой, кровавой религии.

Он вспомнил наставления известного протоиерея, звучавшие с экранов телевизоров: «Не заряжай ракету “Град” без молитвы. На каждую из них, когда заряжаешь, говори: “Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!” и так далее, и так далее, и так далее... А потом вжиииих... бах...»

Он вспомнил слова самого Патриарха, произнесенные с амвона: «Если человек умирает при исполнении этого долга, то он несомненно совершает деяние, равносильное жертве. Он приносит себя в жертву за других. Поэтому мы верим, что эта жертва смывает все грехи, которые этот человек совершил».

Индульгенция на убийство. Прямое, недвусмысленное обещание рая за пролитую кровь.

Григорий стоял в заснеженном дворе, прижимая к груди сумку с документами. Ветер трепал полы его куртки. Картина была полной и ужасающей. Догма войны не была случайностью или временным помутнением рассудка. Это был результат многолетней, целенаправленной работы. Церковь была захвачена изнутри, ее богословие было переписано, а ее структура превращена в идеальный аппарат для идеологического обслуживания бойни.

Из здания семинарии вышли двое мужчин в штатском. Они закурили, оглядывая внутренний двор цепкими, профессиональными взглядами. Григорий вжался в кирпичную кладку котельной, затаив дыхание. Один из мужчин медленно повернул голову в его сторону.

Глава 4. Охота на еретиков

Тусклый свет мигающей неоновой вывески дешевого придорожного мотеля пробивался сквозь щели пластиковых жалюзи, расчерчивая обшарпанные обои узкой комнаты на ровные серые полосы. Иеромонах Григорий сидел на краю продавленной кровати, не снимая куртки. В номере было невыносимо холодно — батарея под окном оставалась ледяной, а изо рта при каждом выдохе вырывалось облачко пара. Но Григорий не замечал озноба.

Его была другая дрожь — внутренняя, глубокая, вызванная тем, что он читал в документах, разложенных на выцветшем покрывале.

Сбежав из архива семинарии, он понял, что цифровые носители и теоретические выкладки — это лишь вершина айсберга. Брезентовая сумка, переданная ему Павлом, скрывала в себе не просто историю идеологического предательства. Она содержала хронику физического террора.

Григорий открыл плотную картонную папку с пометкой «Реабилитационные центры. Практика». До этого момента он, как и многие рядовые священнослужители, полагал, что борьба с так называемыми «сектами» ограничивается газетными статьями, гневными проповедями и административным давлением. Но реальность оказалась куда более мрачной и кровавой.

Он взял в руки скрепленную степлером стопку листов. Это был перевод внутреннего отчета, описывающего истоки методов, которые сейчас активно применялись структурами РАЦИРС. Текст отсылал к американскому опыту организации CAN (Cult Awareness Network), которая стала одной из ролевых моделей для российских антикультистов. Григорий вчитался в абзац, выделенный желтым маркером. Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», перед ним предстала картина чистого, коммерциализированного садизма:

«Детали дела словно из папки моего рабочего стола. Октябрь 1981 года. Стефани Ритмиллер идет домой со своей партнершей. Двое подручных Патрика брызгают в лицо спутнице перцовым баллончиком, а Стефани заталкивают в фургон, где ее уже ждет родной отец. Родители наняли Патрика, чтобы “вылечить” дочь от лесбийских отношений. Семь дней в хижине в Алабаме. Оскорбления, психологический прессинг. Но “лечение” включало не только разговоры. Согласно показаниям Стефани, один из “депрограмматоров” насиловал ее пять ночей подряд. — Господи, — прошептал я, делая пометку в блокноте. — Да они все помешаны на насилии. Меня поразили чудовищный парадокс. В Бюро работают целые отделы, сотни агентов тратят годы жизни, выслеживая маньяков, которые похищают и удерживают людей в подвалах или хижинах в лесу. Мы изучаем их профили, ищем микроскопические улики. А здесь... Здесь они делают это открыто! У всех на виду. С благословения

родителей. И им за это еще платят. И это — основатели CAN. Той самой организации, о которой Дворкин с гордостью говорит в эфире российского ТВ. Если наложить этот фактаж на психологический профиль Дворкина — его садистические наклонности, маниакальную жажду власти, опыт насилия на стройке и в больнице, — становится ясно: CAN была для него не просто партнером. Это была ролевая модель. Участвовавшие в депрограммировании люди такие же социопаты, как и он. Но они смогли сделать гениальный ход: они коммерциализировали свой садизм. Они построили на этом целую бизнес-империю. Схема была дьявольски проста. Сначала они прогревали общество истерией о “страшных культах” и “промывке мозгов”. Испуганные родители, готовые на все ради спасения чад, несли им деньги, фактически покупая билет в ад для собственных детей. Они отдавали их в лапы Патрику и его своре, думая, что спасают, а на самом деле — оплачивали услуги садистов и сексуальных маньяков. Очень скоро аппетиты выросли. Поняв, как легко манипулировать страхом близких, депрограмматоры расширили меню. Теперь “культом” могло стать что угодно. Лесбийские отношения? Похитим и изнасилуем, чтобы “вразумить”, как Стефани. Неудачный брак? Пожалуйста. Как в случае с Джанет Каннифакс, чьи родители наняли Патрика, чтобы заставить дочь развестись с мужем».

Григорий отложил лист, чувствуя тошноту. Похищения. Изнасилования. Психологический прессинг. И все это под маской «спасения». Он потянулся к следующему документу, озаглавленному «Адаптация методов в РФ». Ему нужно было понять, как эта заокеанская криминальная практика пустила корни здесь, в его стране, под религиозно-антисектантской риторикой.

Текст следующей аналитической справки не оставлял камня на камне от иллюзий о духовном просвещении. В России эта схема была доведена до абсолютного, пугающего совершенства.

«Помимо всех вышеперечисленных схем, особого внимания заслуживает ещё один прибыльный вид деятельности — “депрограммирование”. Попытки депрограммирования, а также насильственное похищение людей из организаций, которые были объявлены сектами по запросу их семей, практически не обсуждаются в российском публичном пространстве. Однако международные эксперты по вопросам свободы совести и прав человека

многократно указывали на то, что в России существуют процессы, аналогичные депрограммированию, осуществляемые в так называемых “реабилитационных центрах”, связанных с Русской православной церковью и непосредственно с РАЦИРС (Human Rights Without Frontiers International, Russia Correspondent 2012, стр. 279–280). Речь идёт, по сути, о форме заказного насилия: родственники, введённые в заблуждение антисектантской пропагандой, платят за похищение и насильственное удержание своих близких, якобы “вышедших из-под контроля”, с последующим их помещением в “реабилитационные” центры. В таких российских “рехабах” с похищенными работают священники, психиатры и психологи, аффилированные с РАЦИРС. Любое сопротивление со стороны жертвы интерпретируется как симптом изменённого сознания — дополнительное доказательство того, что человек нуждается в “спасении” и сам якобы не может освободиться от влияния “секты”».

Григорий закрыл лицо руками. Заказное насилие. Родственники, одурманенные пропагандой, сами оплачивают похищение своих детей, жен, мужей. А внутри этих центров их встречают люди, которые вместе с ангажированными психиатрами ломают человеческую волю. Любая попытка защитить свои убеждения, любая апелляция к закону или здравому смыслу мгновенно объявляется «симптомом измененного сознания». Это была идеальная, замкнутая система подавления, из которой не было легального выхода.

Но как они находят своих жертв? Как выбирают тех, кого можно безнаказанно похитить и изолировать?

Ответ нашелся в следующем файле — тонкой пластиковой папке с грифом «Методология сбора данных». Григорий начал читать и почувствовал, как ледяной холод проникает в самое сердце.

«Распространённая схема и неофициальная практика антикультовых движений — внедрение собственных “агентов” (или, говоря проще, “стукачей”) в ряды так называемых “сектантских организаций”. Они нелегально собирают информацию: адреса, различные персональные данные о “членах сект”, их мировоззрение, сведения об их семьях, родственниках, бизнесе, интимной жизни и так далее. Позже, как правило, те же самые “стукачи”, уже выдавая себя за якобы “бывших членов секты”, либо представляют себя “жертвами секты”,

придумывая для прессы страшные истории о своём пребывании в “секте”. Либо они выступают истцами, подавая заявления (доносы) в полицию против членов “секты” или против “сектантской организации” в целом. Они приносят свои выдуманные истории в суд, якобы для защиты нарушенных прав. Иными словами, они делают ровно то же самое, что когда-то делали нацисты».

Стукачи. Агенты под прикрытием, внедряющиеся в общины, молодежные кружки, библейские группы. Они сидят рядом с верующими, пьют с ними чай, молятся, а параллельно составляют подробные досье: кто с кем живет, у кого какие отношения с родителями, кто владеет недвижимостью, кто уязвим.

Григорий перевернул страницу и замер. К тексту была прикреплена скрепкой фотография. С глянцевого бумажки на него смотрело знакомое лицо. Ксения. Двадцатидвухлетняя студентка филологического факультета, которая пела на левом клиросе в его соборе. Девушка с тихим голосом и ясными, вдумчивыми глазами. Она вела небольшой молодежный кружок по изучению Евангелия, который недавно отказался участвовать в сборе средств на закупку тактического снаряжения, сославшись на христианский пацифизм.

Под фотографией располагалось подробное досье. Адрес проживания. Маршрут от дома до университета. И самое страшное — психологический портрет ее родителей. «Мать — глубоко тревожная женщина, склонна к истерикам, полностью доверяет телевизионной пропаганде. Отец проживает отдельно, участия в жизни дочери не принимает. Идеальный объект для вербовки на оплату услуг депрограммирования».

В самом низу листа красной ручкой была сделана приписка: «Договор с матерью подписан. Аванс внесен. Изъятие объекта назначено на 18 ноября, 14:00. Группа захвата проинструктирована. Местный участковый предупрежден и обеспечит невмешательство».

Григорий резко посмотрел на наручные часы. Половина второго. Восемнадцатое ноября. Сегодня.

Его сердце забило с бешеной скоростью. Одно дело — читать исторические справки и анализировать глобальные процессы деградации. И совсем другое — знать, что прямо сейчас, в нескольких километрах отсюда,

наемники готовятся похитить живого человека, девушку, которую он лично причащал.

Он сгреб документы обратно в сумку, застегнул молнию и выскочил из номера.

Морозный воздух ударил в легкие. Григорий бежал по обочине дороги, пытаясь поймать такси. Спустя пять минут ему удалось остановить потрепанную «Ладу». Он назвал адрес Ксении — спальный район на севере города, застроенный одинаковыми серыми панельными девятиэтажками.

Машина петляла по заснеженным улицам. Григорий смотрел в окно, сжимая кулаки. Он понимал, что рискует всем. Его уже ищут. Появление в открытую, да еще и физическое столкновение с агентами РАЦИРС, означало окончательную потерю любого прикрытия. Но остаться в стороне он не мог. Иначе все его возмущение системой было бы лишь пустым звуком.

Такси затормозило у въезда во двор. Григорий расплатился, накинул капюшон куртки и быстрым шагом направился к нужному подъезду.

Двор был типичным для спального района: заснеженная детская площадка, ряды припаркованных машин, редкие прохожие, спешащие укрыться от пронизывающего ветра. Возле третьего подъезда стоял неприметный темно-синий микроавтобус с тонированными стеклами. Двигатель работал на холостых оборотах, из выхлопной трубы вился густой белый дым.

Чуть поодаль, у обледенелой скамейки, стояли двое мужчин. На них были одинаковые черные куртки и спортивные шапки, натянутые на брови. Они курили, внимательно глядя на металлическую дверь подъезда. А в десяти метрах от них, прислонившись к фонарному столбу, стоял полицейский в форме — местный участковый. Он лениво листал что-то в смартфоне, делая вид, что не замечает ни микроавтобуса, ни крепких парней у подъезда.

Григорий остановился за углом соседнего дома, тяжело дыша. Документы не ввали. Это была отработанная, слаженная операция. Наемная группа, действующая под вывеской «спасения от секты», и молчаливое содействие конкретного полицейского, обеспечивающего прикрытие преступлению.

Внезапно домофон пискнул. Металлическая дверь тяжело открылась, и на крыльцо вышла Ксения. На ней был яркий красный пуховик, за спиной висел рюкзак. Она сделала шаг по обледенелым ступеням, доставая из кармана перчатки.

Двое мужчин мгновенно бросили сигареты и двинулись к ней. Они действовали профессионально, отрезая ей путь к отступлению.

— Ксения Волкова? — громко спросил один из них, преграждая ей дорогу.

Девушка остановилась, в ее глазах мелькнуло удивление, быстро сменившееся тревогой.

— Да. А вы кто?

— Ваша мама очень за вас переживает, — произнес второй мужчина, заходя сбоку. Его голос был обманчиво мягким, но движения — жесткими и хищными. — Она попросила нас отвезти вас в безопасное место. Вы больны, Ксения. Вам нужна помощь специалистов. Пойдемте в машину, без глупостей.

— Что? Какая помощь? Отойдите от меня! — Ксения попыталась обойти их, но первый мужчина грубо схватил ее за предплечье.

— Я сказал, пошли! — рывкнул он, дернув девушку на себя с такой силой, что она едва не упала на лед.

Ксения закричала. Пронзительно, отчаянно.

Григорий перевел взгляд на участкового. Полицейский медленно поднял голову, посмотрел на происходящее, затем отвернулся и неспешно пошел в противоположную сторону двора. Закон здесь не работал. Государство делегировало монополию на насилие антикультовым инквизиторам.

Григорий не стал больше ждать. Он выскочил из-за угла и бросился к подъезду. Снег хрустел под его тяжелыми ботинками.

— Отпустите ее! — крикнул он, на ходу скидывая с плеча тяжелую брезентовую сумку.

Мужчины обернулись. Тот, что держал Ксению, удивленно прищурился, не ожидая сопротивления. Этой секунды замешательства Григорию хватило. Он с разбегу врезался плечом в грудь второго наемника. Удар был страшным.

Мужчина охнул, поскользнулся на обледенелом асфальте и рухнул на спину, больно ударившись затылком о бампер припаркованной машины.

Первый наемник выпустил руку Ксении и сунул ладонь во внутренний карман куртки. В морозном воздухе раздался сухой, зловещий треск — между контактами электрошокера проскочила синяя дуга.

— Ты кто такой, придурок? — прорычал он, надвигаясь на Григория. — Жить надоело? Это официальное мероприятие!

Григорий не стал вступать в дискуссии. Он перехватил свою сумку за ремень и, когда нападавший сделал выпад с шокером, с силой ударил его брезентовым дном прямо по лицу. Увесистые папки с документами сработали как кирпич. Мужчина вскрикнул, выронил шокер и схватился за разбитый нос, из которого хлынула кровь.

— Бежим! — Григорий схватил остолбеневшую Ксению за рукав пуховика и потащил за собой.

Они рванули через дворы, проваливаясь в глубокий снег, перелезая через низкие оградки палисадников. Сзади слышались хриплые ругательства и звук открывающейся сдвижной двери микроавтобуса.

Григорий петлял по узким проходам между домами, стараясь запутать следы. Они выбежали на оживленный проспект, заскочили в подошедший к остановке переполненный троллейбус и проехали несколько остановок, втиснувшись в самую толпу. Только когда двери закрылись и троллейбус отъехал, Григорий позволил себе выдохнуть.

Ксения стояла рядом, прижимая руки к груди. Ее трясло.

— Кто это был? — прошептала она побелевшими губами. — Отец Григорий... это же вы? Что происходит? Почему полиция просто смотрела?

— Нам нужно безопасное место, — тихо ответил он, оглядывая пассажиров. — Я все объясню.

Спустя час они сидели в пустом, гулком помещении старой котельной на окраине промзоны. Это место Григорий заметил еще во время своих одиночных прогулок по городу. Здесь было пыльно, пахло мазутом, но зато не было камер видеонаблюдения.

Ксения сидела на перевернутом деревянном ящике, обхватив себя руками. Григорий протянул ей бумажный стаканчик с горячим чаем, купленным в ларьке по дороге.

— Они хотели забрать меня в реабилитационный центр, — голос девушки дрожал. — Я слышала о них. Там людей держат месяцами, накачивают препаратами, заставляют подписывать бумаги об отказе от имущества. Но почему я? Я просто читала Евангелие с ребятами. Мы никому не мешали.

— Потому что вы отказались встраиваться в их систему, — жестко сказал Григорий. — Вы отказались собирать деньги. Для них любой пацифизм, любое самостоятельное прочтение Писания — это признак секты. А ваша мать, напуганная телевизором и беседами с «экспертами», подписала договор на ваше изъятие.

— Но я же могла пойти в полицию! Написать заявление о попытке похищения! Участковый все видел!

Григорий горько усмехнулся. Он расстегнул сумку, достал один из листов и протянул его Ксении.

— Этот участковый вам не поможет, Ксения. В этой схеме он уже был предупрежден. Дегуманизация — это первый шаг. Как только на вас вешают ярлык «сектантки», вы перестаете быть гражданкой с правами. Вы становитесь объектом. Прочитайте это. Это не теория, это то, что происходит прямо сейчас с теми, кто пытается сопротивляться.

Ксения взяла лист. Ее глаза пробежали по строкам. Это был задокументированный факт террора, направленного против верующих, чьи догматы запрещали брать в руки оружие.

«В дом Калиных силовики ворвались ранним утром в октябре 2021-го, выломав окно в кухне, хотя верующие даже не запирали входную дверь. Осколки оконного стекла рассыпались по полу — на них повалили 52-летнего Ярослава, из его пораненных рук и ног потекла кровь. На мужчину надели наручники и запретили одеваться. “Когда мы попросили вызвать адвоката — над нами просто посмеялись”, — говорит дочь Ярослава Светлана. Осколки стекла из своего тела сын жертв репрессий, сам ставший жертвой, извлекал уже в СИЗО. На жалобы, которые подавали его дочь и зять, СК и полиция отвечали отказами».

Девушка опустила бумагу. В ее глазах стояли слезы, но паника начала уступать место холодному, ясному пониманию.

— Выбитые окна. Кровь. Смех в ответ на просьбу об адвокате, — тихо произнесла она. — И отказы на все жалобы. Значит, жаловаться некому.

— Именно, — кивнул Григорий, — это не просто кучка фанатиков. Это структура, которая срослась с силовым аппаратом. Они используют методы тоталитарных режимов прошлого, прикрываясь заботой о духовном здоровье нации. Они похищают людей, пытаются их, ломают психику, и отдельные представители государства обеспечивают им полное прикрытие, потому что взамен они поставляют послушное, запуганное стадо, готовое оправдать любую авторитарную идеологию и даже войну.

В котельной повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гудением старых труб. Григорий смотрел на Ксению, понимая, что навсегда разрушил ее прежний, безопасный мир. Но другого пути не было.

Внезапно Ксения подняла голову. Ее взгляд изменился. Слезы высохли, уступив место решимости, которой Григорий никак не ожидал увидеть у этой хрупкой девушки.

— Вы ведь не просто так оказались в моем дворе, отец Григорий, — сказала она, пристально глядя на него. — Вы знали, что за мной придут. Вы читали их документы.

— Да. У меня есть архив. Доказательства их преступлений.

Ксения медленно кивнула, словно принимая какое-то важное внутреннее решение. Она поставила стаканчик с чаем на бетонный пол, расстегнула красный пуховик и достала из внутреннего кармана плотный пластиковый конверт, перевязанный суровой ниткой.

— Я знала, что они рано или поздно придут за мной, — тихо произнесла она. — Не только из-за молодежного кружка. Я ведь работаю архивариусом в епархиальном управлении. У меня есть доступ к закрытой переписке.

Григорий замер, не веря своим ушам.

— Когда началась травля нашего кружка, я решила понять, откуда исходят приказы, — продолжила Ксения, протягивая ему конверт. — Я начала искать. И

нашла личное досье. Не на жертв. А на самого главного идеолога. На человека, который выстроил всю эту карательную сеть и подчинил себе церковь. Там его медицинские карты, отчеты о его пребывании в США, психиатрические освидетельствования. То, что они тщательно скрывают от общественности.

Григорий взял конверт. Пластик холодил пальцы.

— Если вы хотите понять, как мы дошли до того, что священники благословляют похищения и насилие, — сказала Ксения, глядя прямо в глаза иеромонаху, — вам нужно заглянуть в голову того, кто все это придумал. Вам нужно изучить профиль палача.

Глава 5. Профиль палача

Пластиковый конверт, перевязанный суровой ниткой, обжигал ладони даже сквозь толстые шерстяные перчатки. Иеромонах Григорий и Ксения покинули стылую котельную, когда ранние зимние сумерки начали сгущаться над промзоной, окрашивая снег в грязно-синие тона. Оставаться на одном месте было смертельно опасно. Наемники, упустившие девушку во дворе спального района, наверняка уже подняли по тревоге все доступные им ресурсы.

Ксения шла впереди, кутаясь в красный пуховик. Она вела их запутанным маршрутом через гаражные кооперативы и пустыри к старому пятиэтажному дому на окраине района. Там, на первом этаже, находилась пустующая квартира ее школьной подруги, уехавшей на зимовку в другой город. Ключи Ксения хранила у себя на случай непредвиденных обстоятельств. Никто из епархиального управления или антикультовых центров не мог знать об этом адресе.

Они миновали ржавые металлические ворота и нырнули в темный, пропахший сыростью и кошачьей мочой подъезд. Ксения дрожащими руками провернула ключ в замке. Дверь поддалась с тихим скрипом. Внутри было холодно, пахло нежилым помещением. Григорий плотно задернул плотные

шторы на единственном окне в комнате и только после этого включил небольшую настольную лампу с желтым абажуром.

Свет выхватил из полумрака потертый советский диван, полированный стол и стопку старых журналов. Григорий опустился на жесткий стул, положил пластиковый конверт на столешницу и посмотрел на Ксению. Девушка села на край дивана, обхватив плечи руками. Ее была мелкая дрожь — адреналин после попытки похищения начал отступать, уступая место физическому и нервному истощению.

— Вы уверены, что хотите знать, что там? — тихо спросил Григорий, развязывая суровую нитку. — То, с чем мы столкнулись сегодня днем, — это физическое насилие. Но то, что породило это насилие, может оказаться гораздо страшнее.

— Я должна знать, — твердо ответила Ксения, глядя на конверт. — Я работала с епархиальными архивами. Я видела, как ломаются судьбы священников по одному щелчку пальцев этого человека. Я хочу понимать, кто формирует идеологию, по которой другие начинают отдавать приказы.

Григорий кивнул. Он перевернул конверт, и на полированную поверхность стола выскользнула толстая пачка документов. Это были не просто распечатки из интернета. Это были копии медицинских карт, выписки из личных дел, сканы старых фотографий, экспертные заключения и стенограммы интервью. Кто-то проделал колоссальную работу, собирая по крупицам подлинную биографию Александра Дворкина — человека, который позиционировал себя как главного защитника духовного здоровья нации.

Григорий взял в руки первый лист. Это была биографическая справка, составленная на основе открытых и закрытых источников. Официальная легенда гласила, что Дворкин — выдающийся ученый, доктор философии, профессор, вернувшийся из США, чтобы спасти Россию от засилья деструктивных культов. Но сухие строки документа безжалостно разрушали этот благообразный фасад.

В 1977 году Александр эмигрировал из Советского Союза в Соединенные Штаты Америки. Официальная пропаганда часто преподносила это как вынужденный отъезд диссидента, борца за свободу. Однако реальность,

зафиксированная в воспоминаниях современников и документах того времени, выглядела совершенно иначе.

Григорий вчитался в текст. Никакой политической борьбы не было. Была жизнь, полная бродяжничества, увлечения субкультурой хиппи и тяжелой наркотической зависимости. Из советского вуза его отчислили официально за неуспеваемость, а неофициально — за систематическое употребление запрещенных веществ.

Григорий перебрал несколько листов и нашел стенограмму интервью с бывшей однокурсницей Дворкина, обозначенной инициалами «Г.И.». Текст был выделен желтым маркером. Григорий начал читать вслух, чтобы Ксения тоже слышала эти слова:

«по молодости лет он на меня, я еще раз подчеркиваю, что я знала его поверхностно, не производил впечатления человека, который имеет как-то научный потенциал. Я считала, что он совсем уже снаркоманился, как и его лучшая подружка. Она умерла от наркотиков, и о ее судьбе мне было известно достоверно. Я была удивлена, когда вы упомянули о его многогранной научной деятельности, потому что в молодости он на меня производил идиотические впечатление. Дворкин был из интеллигентной семьи, но мне казалось, что это просто дебиловатый отпрыск».

Григорий опустил лист. Наркотический угар. Идиотическое впечатление. Как этот человек смог убедить миллионы людей в своей экспертности?

Ответ лежал в следующей стопке документов, посвященной образованию главного сектоведа. Григорий всегда предполагал, что человек, выносящий безапелляционные вердикты о психическом здоровье верующих и классифицирующий религиозные группы, должен обладать фундаментальным образованием в области психиатрии, социологии или, по крайней мере, академического религиоведения.

Он начал изучать копии дипломов. Бакалавр русской литературы. Богословская степень Свято-Владимирской семинарии. Доктор философии по средневековой истории, полученный в Фордхемском университете. Формально это были реальные степени. Но в этих бумагах не было главного: базового образования в психиатрии, клинической психологии, социологии религии или

светском религиоведении — именно в тех областях, где его выводы воспринимались чиновниками и судами как экспертные.

Григорий нашел экспертное заключение, датированное 27 декабря 2000 года. Документ был подписан доктором юридических наук, профессором Российской академии государственной службы при Президенте РФ Михаилом Кузнецовым. Экспертиза касалась главной книги Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования». Вывод профессора был однозначным: труд не имеет под собой никакой научной базы.

— Понимаете, Ксения? — Григорий поднял глаза на девушку. — У него нет образования. Богословие — это узконаправленная дисциплина. Она не дает права ставить психиатрические диагнозы или проводить криминалистические экспертизы. Но он читает лекции сотрудникам правоохранительных органов. Он выступает в судах. Он участвует в экспертной среде, способной влиять на государственные решения.

— Но как ему это удалось? — Ксения подошла к столу, вглядываясь в разложенные бумаги. — Как можно приехать из другой страны без нужных дипломов и стать главным экспертом целого государства?

Григорий взял следующую папку с пометкой «США: Инкубатор». Американский период жизни Дворкина оказался не просто временем учебы. Это была среда, в которой формировалась его способность к социальной мимикрии.

В Свято-Владимирской семинарии он оказался рядом с титанами православного богословия в эмиграции — протопресвитерами Александром Шмеманом и Иоанном Мейендорфом. Для христианского мира эти люди были непререкаемыми авторитетами, хранителями традиций, созревших вдали от советского давления. Они глубоко исследовали византийскую модель, изучали симфонию духовной и светской власти.

Дворкин учился в среде, где имена Шмемана и Мейендорфа сами по себе открывали двери. В справке утверждалось, что позднее он использовал эту близость к авторитетам как часть собственной легитимации. То, что у его учителей было богословским и историческим размышлением, в его публичной практике, превращалось в язык власти, угрозы и исключения. Он выстроил образ, который позволил ему вернуться в Россию не беглым наркоманом с

темным прошлым, а носителем сакрального знания, западным экспертом в рясе чтеца. Он обладал поразительной способностью хамелеона — сливаться с авторитетными фигурами, перенимать их риторику и использовать их статус для легитимизации собственных деструктивных импульсов.

Но самые страшные открытия ждали Григория в медицинском разделе досье.

Он открыл плотную картонную обложку, внутри которой лежали копии заключений психиатров. Это были не домыслы журналистов, а официальные медицинские документы.

Диагноз гласил: циклотимия. Психиатрическое заболевание, характеризующееся резкими перепадами настроения, от глубокой депрессии до маниакальных состояний.

Григорий начал читать выдержки из экспертного заключения комиссии:

«Однако, при наличии “светлых промежутков”, а также в маниакальной фазе, он может выполнять временную работу, проявлять в ней фантазию, изощрённость, формировать логические доводы и умозаключения, создавать собственные теории, зачастую легко опровергаемые, подчинять своему влиянию внушаемых личностей, вести какую-либо пропаганду и т.п. Его деятельность вряд ли будет подкреплена серьёзной научной базой, основанной на длительных наблюдениях, или требующей аналитических способностей. Это скорее будут поверхностные суждения, облачаемые в яркую “обложку” и подкрепляемые неадекватной по силе и модальности эмоциональной окраской».

Григорий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Врачи с пугающей точностью описали всю будущую карьеру главного сектоведа. Создание легко опровергаемых теорий. Подчинение внушаемых личностей. Поверхностные суждения в яркой обложке.

Он продолжил чтение документа:

«Таким образом, в плане политической деятельности исследуемый может осуществлять и быть инициатором стихийных акций протеста, руководить общественным движением по своему усмотрению, т.е. являясь его организатором и вдохновителем. Для государственной службы, работы в общественных организациях при госучреждениях больной непригоден в силу

невозможности проявления должной степени ответственности, подчиняемости и исполнительности. Исследуемый наверняка не затруднится принять решение высокой важности, однако основано оно будет на его личных крайне субъективных взглядах...»

И финальный, самый страшный вывод комиссии:

«Из опыта российской и мировой психиатрической практики и на основании экспертного заключения психиатров Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, полное излечение данных заболеваний невозможно».

Григорий отложил медицинское заключение. Человек, признанный непригодным для работы в общественных организациях из-за психиатрического диагноза, не поддающегося излечению, фактически возглавил самую влиятельную общественную структуру в стране. Человек, чьи решения основаны на крайне субъективных, болезненных взглядах, получил власть ломать жизни, инициировать уголовные дела и диктовать церкви, кого считать еретиком.

— Это многое объяснило бы в его жесткости, — прошептала Ксения, глядя на медицинские бумаги. — Здоровый человек не стал бы методично, годами преследовать людей, наслаждаясь их страданиями.

— Это не просто жестокость, Ксения, — ответил Григорий, доставая из конверта следующую рукопись. — Это пример того, как частная идеологическая одержимость может быть возведена в ранг общественной нормы.

Он развернул листы, содержащие глубокий психобиографический анализ личности Дворкина, составленный независимыми исследователями. Текст опирался на методологию Роберта Ресслера, знаменитого профайлера, который разработал систему классификации серийных преступников. Ресслер проводил многочасовые интервью с задержанными маньяками, изучая их раннюю биографию, детские травмы и формирование садистских наклонностей.

Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», методы антикультистов имеют прямую связь с психологией серийных преступников, наслаждающихся властью над чужими жизнями.

Григорий вчитывался в анализ поведенческих паттернов. Формирование личности маньяка начинается в детстве. Травмированная психика, скрытая агрессия, отсутствие эмпатии. В юности эти наклонности часто усугубляются употреблением наркотиков, которые снимают внутренние барьеры и усиливают паранойю. Вещества помогают объективировать жертв, превращая живых людей в безликие мишени.

В документах упоминались темные эпизоды из прошлого Дворкина. Случаи проявления немотивированной агрессии. Жестокость по отношению к слабым. Аналитики указывали на то, что его деятельность демонстрирует классические признаки грандиозного нарциссизма и моральной диссоциации. Он способен совершать абсолютно деструктивные действия, маскируя их под благородную «борьбу с сектами».

Но самым пугающим был вывод о наличии у него «комплекса божественности». Серийные преступники часто убивают, чтобы почувствовать себя вершителями судеб. Дворкин пошел дальше. Он не просто устранял неудобных. Он брал на себя право решать, кто имеет право на существование в социальном и духовном пространстве, а кто должен быть стерт в порошок. Он бунтовал против самого понятия милосердия, стремясь занять место непререкаемого судьи.

Григорий вспомнил лица священников, лишенных сана по доносам антикультистов. Он вспомнил страх в глазах прихожан. Он вспомнил сегодняшнее нападение на Ксению. Все это не было ошибкой системы. Это было прямым отражением больного разума одного человека.

Обычный психопат действует хаотично, подчиняясь животным импульсам, и рано или поздно попадает в руки правосудия. Но этот человек оказался эволюционной аномалией. Он взял свои темные, садистские порывы и облек их в форму легитимного служения. Он создал альтернативную реальность, в которой насилие стало добродетелью, а травля — проявлением духовной чистоты.

Григорий перевернул страницу и наткнулся на анализ международной деятельности главного сектоведа. Оказалось, что его влияние не ограничивалось пределами одной страны. Он притягивал к себе девиантов всех мастей по всему

миру. В документах упоминалась некая Ирина Кременовская, ставшая его юридическим представителем в соседнем государстве. Ее профиль был классикой криминальной хроники — она начинала с догхантерства, массового убийства животных. Тот, кто получает удовольствие от агонии живого существа, идеально вписывался в структуру антикультовой инквизиции. Это был симбиоз психопатов, нашедших друг друга и получивших официальные кабинеты, кафедры и благословение властей.

В комнате повисла тяжелая, давящая тишина. Слышно было только гудение старого холодильника на кухне да завывание ветра за окном.

Григорий сидел неподвижно, глядя на разложенные перед ним бумаги. Вся его картина мира, выстраиваемая десятилетиями служения в церкви, окончательно рухнула. Он понял, что они имеют дело не с заблудшими богословами и не с излишне ретивыми чиновниками. Они противостоят организованной сети, во главе которой стоит человек с неизлечимым психиатрическим диагнозом, сублимировавший свою жажду разрушения в глобальную структуру подавления.

Он посмотрел на Ксению. Девушка сидела с закрытыми глазами, ее лицо было бледным, как мел.

— Мы не сможем победить это цитатами из Евангелия, — глухо произнес Григорий, собирая документы обратно в стопку. — Человек, лишенный эмпатии, не понимает языка любви. Для него чужая боль — это топливо.

Внезапно в подъезде раздался звук.

Это был не случайный шум ветра или хлопок соседской двери. Это был тяжелый, размеренный скрип снега, принесенного на подошвах ботинок, и приглушенный лязг металла о металл. Кто-то методично проверял замки на дверях первого этажа.

Григорий мгновенно погасил настольную лампу. Комната погрузилась в абсолютную темноту.

Ксения вздрогнула и инстинктивно подалась к нему. Григорий жестом велел ей молчать, сгреб документы со стола и бесшумно запихнул их обратно в пластиковый конверт.

Шаги в подъезде приблизились. Они остановились ровно напротив их двери. В щель под порогом пробился узкий луч мощного тактического фонаря, скользнув по пыльному линолеуму прихожей.

Григорий затаил дыхание, прижимая конверт к груди. Он слышал, как за тонкой деревянной преградой кто-то тяжело дышит.

Глава 6. Агентура в рясах

Морозный воздух обжигал легкие, когда иеромонах Григорий вышел из темного подъезда старой пятиэтажки. Оставив Ксению в безопасной квартире на окраине спального района, он понимал, что пассивное изучение архивов больше не имеет смысла. Документы, какими бы страшными они ни были, оставались лишь бумагой. Ему нужно было увидеть тех, кто претворяет эти тексты в жизнь. Ему нужно было понять, как именно епархиальные кабинеты могут быть связаны с уличными исполнителями, пытавшимися похитить девушку среди бела дня.

Григорий знал расписание своего благочинного. Протоиерей Николай, человек, угрожавший ему лишением сана, каждый вторник ровно в восемь вечера покидал территорию собора. Официально это называлось «выездным заседанием епархиального комитета по взаимодействию с общественными организациями». Неофициально среди клириков ходили слухи, что Николай ездит на доклад к светским кураторам.

Григорий добрался до исторического центра на переполненном трамвае, стараясь держаться в тени, надвинув капюшон неприметной куртки глубоко на глаза. Он занял позицию в глухом переулке напротив кованых ворот епархиального управления. Снег медленно падал в свете желтых фонарей, оседая на плечах и превращаясь в ледяную корку.

Ровно в 20:05 тяжелые створки ворот медленно поползли в стороны. Черная «Тойота Камри» с тонированными стеклами, закрепленная за благочинным, плавно выехала на заснеженную улицу. Григорий заранее

приметил стоящего у обочины частного на старой «Ладе». Он запрыгнул на пассажирское сиденье, бросив на торпеду смятую тысячную купюру.

— За черной «Тойотой». Не приближайся слишком близко, но и не упусти, — коротко бросил он.

Водитель, угрюмый мужчина в надвинутой на лоб кепке, молча кивнул и включил передачу. Машина дернулась и влилась в редкий вечерний поток.

Они ехали около сорока минут, постепенно удаляясь от сверкающего огнями центра. Городской пейзаж сменился унылыми фасадами промышленных зон, бетонными заборами и редкими островками тусклого света. «Тойота» свернула в узкий проезд между двумя складскими комплексами и остановилась у неприметного трехэтажного здания, облицованного дешевым серым сайдингом. Никаких вывесок, кроме маленькой таблички «Аренда помещений», на фасаде не было.

Григорий попросил остановить машину за углом. Дождавшись, пока водитель уедет, он осторожно выглянул из-за кирпичной кладки забора. Протоиерей Николай, кутаясь в дорожную рясу под теплым пальто, быстро поднялся по обледенелым ступеням и скрылся за металлической дверью.

Обогнув здание, Григорий обнаружил запасной выход, возле которого курили двое мужчин в униформе охранников. Дождавшись, когда они бросят окурки в урну и уйдут внутрь, оставив дверь неплотно прикрытой из-за намерзшего на пороге льда, иеромонах бесшумно скользнул в темный коридор.

Тусклые люминесцентные лампы мигали под потолком. Григорий двигался вдоль стены, прислушиваясь к каждому шороху. На втором этаже он услышал знакомый голос благочинного, доносящийся из-за массивной двери в конце коридора.

Рядом с этой дверью находилось небольшое техническое помещение — серверная или кладовка уборщиц. Григорий осторожно нажал на ручку. Не заперто. Он шагнул внутрь, оказавшись в тесном пространстве, заставленном швабрами, ведрами и гудящими металлическими шкафами с проводами. В стене, смежной с переговорной комнатой, зияла широкая вентиляционная решетка. Акустика была идеальной. Голоса звучали так четко, словно Григорий сидел с ними за одним столом.

— Вы устроили цирк в спальном районе, отец Николай, — произнес жесткий, металлический голос, лишенный каких-либо эмоций. Это был не церковный человек. В его интонациях сквозила абсолютная, привычная власть. — Двое наших людей засветились перед участковым. Девчонка ушла. Кто-то вмешался.

— Товарищ полковник, мы действовали строго по утвержденному плану, — голос благочинного дрожал, потеряв всю свою елейную спесь. — Мать подписала согласие на реабилитацию. Группа захвата была проинструктирована. Мы не ожидали физического сопротивления. У нас было полное досье на объект, собранное нашими аналитиками.

— Вашими аналитиками? — усмехнулся полковник. — Вы называете аналитикой чтение чужих страниц в интернете?

Григорий, стоя в темноте кладовки, вспомнил содержание документа из архива Павла, сложенные во внутреннем кармане куртки. Это была стенограмма интервью с бывшим сотрудником миссионерского отдела Валерием Отставных. Слова, звучавшие за стеной, пугающе точно совпадали с текстом на бумаге. Отставных вспоминал:

«— То есть это больше сбор бытовых каких-то данных, нежели какое-то исследование?

— Ну, не только бытовых. Это показывает дотошность в сборе сведений ... Местный архиерей наш, помню, тогда аж за голову взялся и похвалился Дворкину: какие у нас профессионалы крутые, знают, какое у местного протестантского пастора бельё сушится на балконе. Это раньше надо было ногами ходить, чтобы понять, сколько человек ходит в секту, кто у них лидер и так далее. Надо было прийти на их собрание, а когда придёшь на собрания несколько раз, то уже лицо-то примелькается, тебя в городе уже знают и тяжело собирать объективные данные. А вот сейчас, с развитием сети интернет, всё стало элементарно просто. Человек сидит в Миссионерском отделе, заходит на аккаунты и в группы религиозных организаций в соц. сетях, а там всё они сами вываливают данные про себя, сами всё расписывают. Где у них что, какая у них база, сколько у них людей, кто у них пастор, какие у них координаты и т. д. Насколько я знаю, используется ещё такой приём разведывательного плана — то

есть миссионер, беспощадный к «врагам Рейха», заходит под именем «Вася» и «включает дурака», что хочу вступить в вашу секту, а как у вас в секте дела идут, а говорят, что у вас пастор такой жадный, а деньги... И так далее. То есть вступает в переписку анонимно. Такие хитрые игры могут вестись. И при этом представители религиозных организаций, так называемых «деструктивных», могут не знать, что с ними общаются сотрудники соответствующей службы внутренней безопасности РПЦ (МП).

— Ну, то есть разведывательная работа по факту ведётся?

— Абсолютно. Это сбор разведданных. Работа под прикрытием».

Григорий опустил телефон. Разведывательная работа под прикрытием. Церковные миссионеры, превратившиеся в сетевых стукачей, собирающих данные для силовых структур.

— Мы найдем девчонку, — подал голос третий участник встречи. Судя по уверенному тону, это был координатор от антикультового центра. — Если не получится взять ее тихо на улице, мы задействуем официальные каналы. У нас есть выходы на экспертную среду при Минюсте. Запустим проверку через религиоведческую экспертизу, а дальше будем давить через психиатров: религиозный фанатизм, внушаемость, опасность для себя и окружающих. Формулировки найдутся.

— Минюст подтвердит? — сухо уточнил полковник.

— Обижаете. У нас там всё схвачено на самом верху. После того как там появился экспертный совет с нашими людьми, такие вопросы стали решаемыми.

Григорий лихорадочно перебрал листы, выискивая документ, касающийся Министерства юстиции. Он нашел нужную страницу. Это было продолжение того же интервью, раскрывающее масштаб интеграции антикультистов в государственные структуры. Он поднес экран телефона к тексту:

«Любопытный ещё момент вспомнил про этих визитёров. В Церковь любые люди приходят, в том числе с криминальным прошлым, сами знаете. И после того, как к нам зашли эти ребята из Центра “Э”, я помню, ко мне подошёл один такой прихожанин и спросил: “А это кто?”. Я ответил, что это очень продвинутые люди из Центра по борьбе с экстремизмом. Он не поверил: “Да

ладно, — говорит, — перестань. Я вот этого, лысого знаю, он у нас на проспекте Ленина проституток крышевал много лет. А теперь он что делает?”. А теперь, говорю, он борется с врагами русской нации. Это не единственное слияние РАЦИРС и государства. Вы, наверное, знаете, что Министром юстиции у нас является господин Коновалов. Александр Коновалов, можно сказать, мой соученик. Мы вместе учились заочно у Александра Леонидовича Дворкина в Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Он создал экспертный религиозоведческий совет при Министерстве юстиции, в который включил Дворкина и ещё многих ребят из РАЦИРС, которым теперь полагается для Минюста делать экспертизы по религиозным организациям. Вот такая существует связка.

— Вот вы сказали, что выгодоприобретателем борьбы с религиозными организациями, НРД, очевидно является Русская православная церковь. Можно ли говорить, что деятельность Дворкина курирует кто-то из РПЦ МП? Или Александр Леонидович полностью независимый ото всех?

— Если честно, то я не замечал такого посредничества, когда я работал. Потому что когда Дворкин только начинал и когда был жив патриарх Алексий II (Ридигер), то тема работы с сектами была не самая главная. Там надо было храмы восстанавливать, надо было заниматься изданием литературы в большом количестве. И Алексий II, как мне кажется, был человеком более взвешенным и менее политизированным, чем Кирилл. Я думаю, что Дворкин просто предложил свои услуги Церкви. В своё время эти услуги были с одобрением восприняты, то есть они были приняты. А сейчас, мне кажется, они просто в тренде. Потому что тут Америка и “пиндосы”, тут “Русский мир” — это всё ложится в тренд новой государственной идеологии. “Россия в кольце врагов, враги — пятая колонна. Враги проникают не только через политические партии, общественные фонды и всякие общественные движения, но и через религиозные организации...” Мне кажется, что сейчас Дворкин и РАЦИРС в общем-то в тренде.

— Поймали волну?

— Волна сама к ним пришла. Они её не ловили, она сама их окатила, и они оказались на гребне, как сёрфингисты».

Карательная психиатрия. Сфабрикованные экспертизы. Бывшие криминальные элементы, крышевавшие проституток, теперь работают в Центре «Э» и вместе с министром юстиции, учеником главного сектоведа, решают, кто является правильным верующим, а кто подлежит изоляции. Григорий почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Государственный аппарат правосудия был полностью приватизирован радикальной сектой.

— Хорошо, с девчонкой решайте через Минюст, — голос полковника вывел Григория из оцепенения. — Но меня больше беспокоят настроения среди вашего духовенства, отец Николай. Слишком много пацифистов развелось. Слишком много тех, кто задает лишние вопросы. Вы теряете контроль над паствой.

— Мы работаем над этим, — торопливо ответил благочинный. — Выявляем неблагонадежных. Но поймите, священники — люди сложные. У них свои представления о совести.

— Совесть? — полковник коротко, зло рассмеялся. — Оставьте эти сказки для воскресных проповедей. Ваши предшественники из Пятого управления КГБ прекрасно умели работать с этой вашей «совестью». Мы просто унаследовали их архивы и их методы. Ничего нового изобретать не нужно. Компрометация, шантаж, внедрение агентуры.

Григорий замер. Пятое управление КГБ. Управление по борьбе с идеологическими диверсиями. Он быстро перелистнул несколько страниц в своей папке, находя историческую справку, составленную на основе рассекреченных архивов. Свет от экрана телефона выхватил из мрака текст интервью со священником Глебом Якуниным, который одним из первых получил доступ к этим документам. Григорий начал читать, и каждое слово отдавалось гулом в его висках:

«Священник РПЦ Глеб Якунин.

— Как выглядят документы, с которыми вам приходится работать? — вопрос журналиста.

— Это опечатанные тома салатного цвета с грифами “Секретно” и “Совершенно секретно”, — отвечает Глеб Якунин. — В них содержатся ежемесячные отчёты о результатах агентурно-оперативной деятельности отделов Пятого управления (позднее — Управления З), подававшиеся

руководству КГБ. Как священнослужителю, мне поручено изучить деятельность 4-го, так называемого церковного, отдела этого управления. Поскольку решением руководства КГБ оно недавно было упразднено как занимавшееся антиконституционной деятельностью — контролем за духовной жизнью общества, то, думаю, я вправе ознакомить ваших читателей с содержанием секретных документов, готовившихся в недрах церковного отдела.

— Отец Глеб, судя по этим документам, деятельность “агентов в рясах” ограничивалась лишь подслушиванием и подсматриванием, протаскиванием выгодных КГБ и ЦК КПСС людей и решений?

— Не только. Вот строки из августовского (за 1988 г.) отчёта полковника Тимошевского. “По ДОР (дело оперативной разработки. — Прим. ред.) ‘Аптекарь’ проводились мероприятия, направленные на дальнейшую компрометацию объекта перед единомышленниками и связями на Западе... Через агентуру и другие возможности удалось склонить жену ‘Аптекаря’ обратиться в суд с заявлением о разводе с ним ...”. Кроме того, по заданию КГБ агентура проводила “спецмероприятия” с использованием спецпрепаратов, “развязывающих язык”.

— А кто стоит, например, за кличками “Аббат” и “Адамант”? И что это за “Аптекарь”.

— “Аббат” и “Адамант” — двое из ныне действующих иерархов Русской православной церкви. Теперь, что касается “Аптекаря”. В целях конспирации КГБ давал клички не только своей агентуре, но и лицам, с которыми вели борьбу, — на чекистском языке они именовались “объектами оперативного наблюдения, учёта или разработки”. “Аптекарь” — это религиозный диссидент мирянин А. Огородников. “Религиозный экстремист” священник А. Мень, например, имел кличку “Миссионер”, В. Лапковский — “Ирод”. А. Бессмертный — “Клоун” и т. д. Питирим Нечаев — агент “Аббат”, Ювенал Поярков — агент “Адамант”. Кстати, знаете, какие клички были у писателя А. Солженицына и академика А. Сахарова? “Паук” и “Аскет”. Жена Сахарова — Е. Боннэр в оперативных донесениях КГБ проходила как “Лиса”».

Историческая рифма была слишком явной, чтобы отмахнуться. То, что в советских документах описывалось как компрометация, агентурная работа и

давление на семьи, теперь отзывалось в практиках доносов, сбора сведений и публичной травли «сектантов». Церковный отдел Пятого управления не исчез после распада Советского Союза. Он просто сменил вывеску, но осталась прямая преемственность, методологическое сходство: язык врага, агентурный сбор, компромат, превращение верующего в объект разработки.

— Оставим лирику, — голос полковника стал еще более сухим. — Центр требует отчетов по европейскому направлению. Ваша антикультовая сеть — это наш лучший канал легализации агентуры за рубежом. Под видом борцов за традиционные ценности и экспертов по сектам наши люди проникают в политические круги Европы. Что у нас по Прибалтике?

— В Латвии работаем стабильно, — бодро отрапортовал координатор антикультового центра. — Наши люди интегрированы в местные политические структуры.

Григорий нащупал в папке аналитическую записку по международным операциям. Он знал, что найдет там подтверждение этим словам. В свете экрана высветился абзац, описывающий латвийскую агентурную сеть:

«Наиболее активными борцами против сект и культов в Латвии были Олег Никифоров, Виктор Ёлкин и Светлана Крылова. Все они являлись членами радикальной партии “Русский союз Латвии”, включая пропагандиста Андрея Мамыкина. В настоящее время Мамыкин скрывается, поскольку обвинен в преступлениях против человечности, совершённых Россией в Украине. Он уклоняется от правосудия, скрываясь в России, где продолжает активную медиатеатральность, в том числе направленную против интересов Латвии».

Антикультизм оказался идеальным троянским конем. Под предлогом защиты общества от деструктивных культов спецслужбы внедряли своих агентов влияния в суверенные государства, финансировали радикальные партии и готовили почву для политических диверсий.

— А что по украинскому направлению? — спросил полковник. — Нам нужно больше дестабилизации. Опыт прошлых лет показывает, что религиозный фактор работает безотказно.

— Мы используем старые наработки, — ответил координатор. — Вы же помните наши успешные операции. Мы умеем создавать нужную картинку для СМИ.

Григорий перевернул страницу. Документ, посвященный событиям в соседней стране, леденил кровь цинизмом описанных провокаций.

Глобальная антикультовая сеть действует как разведывательная структура. Она хорошо организована, щедро финансируется и подчиняется Дворкину. Его агенты с точностью выполняют его приказы, оказывая влияние на государственные, правоохранительные и судебные органы. Россия — яркий пример того, к чему приводит подобная деятельность. С момента создания РАЦИРС в России индекс свободы страны начал снижаться. Всё движется к полному «железному занавесу» с запретом интернета, выездными визами и прочими ограничениями. Свободная и демократическая Россия 90-х осталась в прошлом благодаря действиям Дворкина и его сети. Если проанализировать деградацию свободы и прав человека в России, легко проследить связь между ростом влияния антикультовой сети и нарративов — и инициативами, реализуемыми её адептами — и разрушением прав человека в стране.

Григорий закрыл папку и сунул ее обратно под куртку. Воздух в кладовке казался спертым, пропитанным пылью и ложью. За стеной сидели люди, которые хладнокровно обсуждали использование веры как инструмента для шпионажа, провокаций и разрушения государств. Они не верили в Бога. Они верили в контроль, в агентурные сети, в карательную психиатрию и в право сильного ломать человеческие судьбы.

— На сегодня всё, — раздался звук отодвигаемого стула. Полковник поднялся. — Жду от вас списки новых неблагонадежных клириков к пятнице, отец Николай. И решите вопрос с девчонкой. Без шума.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — подобострастно ответил благочинный.

Послышались шаги, направляющиеся к выходу из переговорной. Григорий понял, что у него есть всего несколько секунд, чтобы исчезнуть. Если они выйдут в коридор и заметят его, живым он из этого здания не выйдет.

Он бесшумно нажал на ручку двери кладовки, выскользнул в тускло освещенный коридор и быстрым, скользящим шагом направился к запасной

лестнице. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что казалось, его стук разносится по всему этажу. За спиной скрипнула тяжелая дверь переговорной.

Григорий нырнул на лестничный пролет, перепрыгивая через ступеньки. Он вылетел через запасной выход на улицу, едва не сбив с ног курящего охранника.

— Эй, ты куда?! — крикнул вслед охранник, потянувшись к кобуре с дубинкой.

Но Григорий уже растворился в снежной пелене, перемахнув через низкий забор и скрывшись в лабиринте гаражей. Он бежал, пока не закололо в бок, пока ледяной воздух не обжег гортань до крови.

Остановившись на пустыре, освещенном единственным разбитым фонарем, он прислонился спиной к ржавому металлическому контейнеру. Снег засыпал его плечи, таял на горячем лице, смешиваясь с потом.

Он достал из кармана телефон. На черном экране отражалось его собственное лицо — осунувшееся, с запавшими глазами человека, который только что заглянул в бездну. Церковь, которой он служил, больше не казалась ему защищенной от тьмы. За золотыми алтарями, за клубами ладана и пением хоров он увидел другой слой — кабинеты, списки, агентурные привычки, зависимые экспертизы и холодный расчет людей, для которых вера была не встречей с Богом, а инструментом управления. Инквизиция не просто возвращалась в старых словах. Она встраивалась в государственную машину, готовую перемалывать людей и целые сообщества.

Григорий посмотрел на темнеющий вдали силуэт города. Охота на него теперь выйдет на совершенно иной уровень. Он больше не был просто непослушным священником. Он стал носителем тайны, способной показать, как религиозная риторика, антикультовая экспертиза и силовой аппарат могут складываться в единую систему давления. И они не остановятся ни перед чем, чтобы заставить его замолчать.

Глава 7. Глобальная паутина

Холод промерзшей насквозь квартиры на окраине спального района казался почти осязаемым. Он полз по дешевому линолеуму, забирался под одежду, сковывал суставы. Иеромонах Григорий сидел прямо на полу, прислонившись спиной к жесткому краю старого советского дивана. Перед ним, в тусклом круге света от единственной настольной лампы, были разложены документы. Те самые бумаги из брезентовой сумки беглого отца Павла и пластикового конверта Ксении, которые еще несколько часов назад казались ему ключом к пониманию внутрицерковного кризиса.

Ксения сидела у зашторенного окна. Она чуть отодвинула край плотной ткани, ровно настолько, чтобы видеть заснеженный двор, освещенный желтыми пятнами фонарей. Девушка молчала уже больше часа. После того как Григорий вернулся с пустыря, едва уйдя от погони после подслушанного разговора в секретном офисе, они оба поняли: пути назад нет. Охота перешла в открытую фазу.

Григорий потерял воспаленные глаза. Адреналин, бурливший в крови во время побега, выгорел, оставив после себя звенящую пустоту и пугающую ясность ума. Он думал, что противостоит коррумпированной церковной бюрократии. Затем, стоя в темной кладовке и слушая голос полковника спецслужб, он решил, что столкнулся с возрожденным Пятым управлением КГБ. Но бумаги, лежащие сейчас перед ним на выцветшем ковре, разрушали и эту иллюзию. Масштаб катастрофы был неизмеримо больше.

Он взял в руки плотную папку с англоязычными логотипами и переводами, скрепленными канцелярскими скрепками. Заголовок гласил: «FECRIS. Международная интеграция».

Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Французская некоммерческая ассоциация, созданная в Париже в 1994 году. Зонтичная организация, объединяющая десятки антикультовых групп по всей Европе. Григорий начал вчитываться в сухие строки отчетов, и его сердце забило медленнее, словно отказываясь перекачивать кровь, отравленную этим знанием.

Долгие годы Европа, гордящаяся своими демократическими институтами и декларациями о правах человека, предоставляла трибуны и институциональную легитимность международной антикультовой среде, российское крыло которой правозащитники критиковали за участие в давлении на религиозные меньшинства. Григорий смотрел на фотографии с международных симпозиумов. Вот 2009 год, Санкт-Петербург. Улыбающиеся европейские делегаты жмут руки российским чиновникам. Именно на этом симпозиуме Александр Дворкин, человек без профильного образования, был избран вице-президентом этой европейской федерации. Там же состоялись официальные встречи руководства FECRIS с министром юстиции РФ и представителями российской юридической и академической среды.

Это был не просто обмен опытом. Это выглядело как обмен технологиями давления: российская антикультовая сеть получала европейскую легитимацию через FECRIS, а европейские партнеры — доступ к российскому опыту борьбы с «тоталитарными сектами». Под маской защиты традиционных ценностей и борьбы с деструктивными культами в европейское поле входила среда, которую правозащитники связывали с нарушениями свободы совести.

Григорий нашел перевод аналитической записки, составленной итальянскими исследователями. Текст был выделен красным маркером: «Один лишь факт, что Италия, Франция и Россия практически дословно воспроизводят одну и ту же антикультовую риторику, крайне тревожен. Антикультовые организации — это транснациональная чума. Они посягают на основы демократии во всём мире, готовят почву для дестабилизации как в отдельных регионах, так и на целых континентах».

Итальянцы поняли то, чего не замечали многие в России. Не французская штаб-квартира задавала тон в этом злобном ансамбле. Наоборот, российская сеть РАЦИРС, поддерживаемая политическими элитами и спецслужбами, диктовала повестку Европе. Они экспортировали вирус ненависти, методично разрушая основы свободы совести на континенте.

Но как только геополитическая ситуация накалилась до предела, европейские партнеры попытались замести следы. Григорий просмотрел распечатки веб-архивов. После полномасштабного вторжения России в Украину связь FECRIS с российскими участниками стала токсичной. В исследовательских

публикациях упоминалось голосование 8 марта 2022 года об исключении Дворкина из российского Центра религиозных исследований, а в материалах FECRIS и критиков федерации — решение Генеральной ассамблеи 24 марта 2023 года об исключении Дворкина и российских ассоциаций из членства. Позднее российские страницы и упоминания на сайте федерации были сокращены или исчезли из публичного представления. Они пытались сделать вид, что никогда не пожимали руку человеку, выстроившему инквизицию. Но цифровые следы, как и кровь на руках, стереть невозможно.

— Отец Григорий, — тихо позвала Ксения от окна. — Там, у третьего подъезда. Темный микроавтобус. Он проехал по двору дважды и теперь просто стоит с выключенными фарами.

Григорий мгновенно подобрался. Он отложил папку FECRIS и на четвереньках подобрался к окну, осторожно выглянув поверх плеча девушки. Сквозь пелену падающего снега действительно угадывался силуэт крупного автомобиля. Двигатель не работал, но стекла были темными, непроницаемыми.

— Может быть, просто кто-то припарковался на ночь, — прошептал Григорий, хотя сам в это не верил. — Собирай вещи. Все документы в сумку. Если они пойдут к нашему подъезду, уйдем через подвал, как ты показывала.

Ксения кивнула и бесшумно скользнула к столу, начав складывать бумаги. Григорий остался у окна, не сводя глаз с микроавтобуса. Его мозг продолжал лихорадочно анализировать прочитанное.

Если РАЦИРС и FECRIS — это лишь инструменты, то откуда взялась сама идеология? Кто написал этот код ненависти, который так легко заражает и государственные аппараты, и церковные структуры?

Он вернулся к разложенным на полу документам и вытянул тонкую папку в сером картоне. «Историческая преемственность. Апологетические центры».

Григорий открыл первую страницу, и его словно ударило током. Текст возвращал читателя в 1921 год. Веймарская республика. При Протестантской церкви Германии создается Апологетический центр. Вскоре одной из ключевых фигур в его работе становится теолог Вальтер Кюннет. Официальная цель — защита чистоты веры от сект, свободомыслия, оккультных течений и новых религиозных движений.

Но по мере того, как к власти рвалась НСДАП, риторика центра Кюннета становилась все более радикальной. Именно этот центр разработал методологию дегуманизации жертв. Они создали технологию клеймения. Прежде чем уничтожить группу людей физически, нужно было уничтожить их социально — навесить ярлык, превратить в глазах обывателей в опасных, неполноценных фанатиков. Нацизм не мог существовать без образа внутреннего врага. И Апологетический центр предоставил Гитлеру идеальный инструмент для создания таких врагов.

Григорий читал, и перед его глазами рушились последние опоры его прежнего мира. После Второй мировой войны эта идеология не исчезла. Она просто сменила вывеску. Ученик Кюннета, Фридрих Вильгельм Хаак, и его идейный последователь Йоханнес Огорд создали международную сеть под названием «Диалог-центр». Они сохранили нацистскую методологию массовой манипуляции, упаковав ее в уважаемую обертку «борьбы с культами».

Именно у Огорда учился Александр Дворкин. Он стал их самым способным, самым радикальным преемником. Вернувшись в Россию, он основал свой филиал «Диалог-центра», который позже превратился в РАЦИРС.

Григорий сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Дворкин внедрился в Русскую православную церковь точно так же, как Кюннет в свое время организовал свою деятельность внутри лютеранской церкви Германии. Для главного сектоведа православие было лишь удобной структурой, идеальной маскировкой для идеологии, не имеющей абсолютно ничего общего с Христом. Патриарх Алексей II, изначально благословивший создание центра, вскоре понял, с чем имеет дело, и дистанцировался от Дворкина. Но было уже поздно. Термин «тоталитарная секта», которым так гордился Дворкин, был не научным понятием. Это был аналог желтой звезды, которую нацисты нашивали на одежду евреев. Клеймо, после которого человек лишался права на защиту.

— Они не выходят из машины, — шепотом сообщила Ксения, застегивая молнию на брезентовой сумке. — Но я видела огонек сигареты за лобовым стеклом. Там кто-то есть.

— Ждем, — коротко ответил Григорий. — Пока они не начнут движение к дверям, мы не дергаемся. На улице мы будем как на ладони.

Он снова опустил глаза в бумаги, выхватывая из текста абзацы, посвященные глобальным операциям этой сети. Ему нужно было понять механику того, как они выбирают мишени.

Следующий документ был озаглавлен «Технологии зеркальной пропаганды». В нем описывалось, как антикультовая сеть использует ложные обвинения для создания искусственного разделения в глобальном масштабе.

Григорий вчитался в пример, касающийся еврейской общины Хабад-Любавич. Цинизм происходящего поражал воображение. В России агенты РАЦИРС методично демонизировали хасидов, навешивая на них ярлыки «секты», «агентов США» и даже, как бы абсурдно это ни звучало, «фашистов». Общество накачивали антисемитизмом, создавая иллюзию страшной угрозы.

Но самое поразительное происходило по ту сторону океана. В Соединенных Штатах Америки, используя абсолютно зеркальные методы пропаганды, те же самые антикультовые структуры называли Хабад «деструктивным культом», «экстремистами» и «агентами Путина».

Это была чудовищная логика зеркального обвинения. Одной и той же группе людей в разных концах света приписывали взаимоисключающие преступления, чтобы в обеих странах спровоцировать ненависть, акты насилия и террор. Обязательная привязка целевых групп к демонизирующему политическому нарративу была фирменным почерком агентуры. Им было плевать на реальные вероучения этих групп. Их целью было разжигание конфликта, стравливание людей, создание хаоса, в котором антикультовые «эксперты» получали бы неограниченную власть и финансирование как единственные «спасители» общества.

Григорий перевернул страницу. Следующий кейс касался Китая.

Движение Фалуньгун. Миллионы последователей, занимающихся дыхательной гимнастикой и медитацией. Документы показывали, как Китайская ассоциация по борьбе с сектами — структура, напрямую подчиняющаяся Коммунистической партии Китая, — установила тесные связи с FECRIS и РАЦИРС.

В то время как международные правозащитные организации кричали об арестах, пытках и внесудебных казнях последователей Фалуньгун, о чудовищной

практике насильственного извлечения органов у живых людей, китайский режим нуждался в легитимизации своих преступлений на международной арене. И европейские, и российские антикультисты с радостью предоставили им эту услугу. Они поддерживали нарратив о том, что Фалуныгун — это «злой культ», который якобы продвигается Соединенными Штатами для подрыва государственного строя.

Григорий закрыл лицо руками. Картина сложилась полностью. Это не была забота о психологическом здоровье граждан. Это была глобальная, хорошо скоординированная антикультовая сеть. Они брали методы нацистской Германии, адаптировали их под современные реалии, использовали инфраструктуру европейских демократий, обменивались опытом с китайскими коммунистами и применяли все это для уничтожения свободы воли.

Именно эта сеть помогла создать язык, в котором война, подавление и религиозная исключительность могли звучать как защита духовной безопасности. Именно они годами расчеловечивали целые народы, называя соседние страны «гиперсектами» и «сатанистами», чтобы оправдать кровопролитие. Они превратили религию в инструмент массового поражения.

Внезапно тишину квартиры разорвал резкий, скрежещущий звук.

Григорий вскинул голову. Звук доносился не с улицы. Он шел из подъезда. Кто-то пытался вскрыть замок входной двери на первом этаже — не их квартиры, а общей двери, ведущей на лестничную клетку.

Ксения отшатнулась от окна. Ее глаза расширились от ужаса.

— Они не пошли через двор, — одними губами произнесла она. — Они зашли с черного хода, через арку.

Григорий мгновенно вскочил на ноги. Он схватил брезентовую сумку с документами и закинул ее на плечо. Вес бумаги сейчас казался весом всего мира.

— Подвал, — скомандовал он. — Быстро.

Они выскользнули из квартиры, бесшумно притворив за собой дверь. На лестничной клетке пахло сыростью и перегоревшим мусоропроводом. Снизу, от входной двери подъезда, доносились приглушенные голоса и металлический лягз. Замок поддавался.

Ксения метнулась к неприметной железной дверце под лестничным маршем первого этажа. Она достала из кармана пуховика связку ключей, дрожащими руками выбирая нужный.

— Давай же, — прошипел Григорий, оглядываясь на пролет.

В этот момент входная дверь подъезда с грохотом распахнулась. Внутри ворвался ледяной ветер и лучи мощных тактических фонарей.

— Первый этаж, квартира три! — рявкнул знакомый Григорию жесткий голос наемника. — Блокируйте окна снаружи!

Ксения провернула ключ. Ржавые петли скрипнули, и они провалились в кромешную тьму подвала, успев закрыть за собой дверцу за секунду до того, как луч фонаря скользнул по стене под лестницей.

Григорий задвинул тяжелый внутренний засов. Сверху, прямо над их головами, загрохотали тяжелые ботинки. Наемники выбивали дверь в квартиру, которую они только что покинули.

В подвале было тепло от труб отопления, но дышать было тяжело из-за густой пыли и запаха стекловаты. Ксения включила крошечный фонарик-брелок. Узкий луч выхватил лабиринт ржавых коммуникаций, уходящий вглубь здания.

— Сюда, — шепнула она, увлекая Григория за собой. — В конце коридора есть вентиляционная шахта, она выходит в соседний двор, за теплотрассу.

Они пробирались сквозь паутину и низко висящие провода, пригибаясь, чтобы не удариться головой о бетонные перекрытия. Наверху слышался глухой стук переворачиваемой мебели. Наемники поняли, что квартира пуста, и теперь в ярости громили укрытие.

— Они найдут подвал, — тяжело дыша, сказал Григорий. — Это вопрос нескольких минут.

— Шахта узкая, они в бронежилетах не пролезут, — ответила Ксения, ускоряя шаг.

Они достигли конца подвального помещения. В стене зияло квадратное отверстие, закрытое старой, наполовину выломанной решеткой. Из него тянуло морозным воздухом свободы.

Григорий помог Ксении забраться внутрь, затем протиснулся сам, проталкивая впереди себя сумку с архивом. Они ползли по бетонному коробу около двадцати метров, сдирая кожу на локтях и коленях. Когда они наконец вывалились в сугроб по ту сторону теплотрассы, ночной город встретил их воем сирен вдалеке.

Они лежали в снегу, жадно глотая ледяной воздух. Григорий прижимал к груди сумку. В ней лежали доказательства того, что мир столкнулся с реинкарнацией самого страшного зла двадцатого века. Зла, которое научилось носить рясы, писать экспертные заключения и заседать в министерствах юстиции.

Он посмотрел на темное небо, затянутое тяжелыми зимними тучами. Вирус ненависти не имел границ. Он проникал в умы через экраны телевизоров, через проповеди с амвонов, через сфабрикованные судебные решения. И теперь этот вирус объявил охоту на них двоих.

Григорий поднялся на ноги и протянул руку Ксении.

— Нам нужно найти тех, кто сможет это опубликовать, — твердо сказал он, глядя на огни спящего города. — Пока они не заразили всех.

Глава 8. Клеймо предателя

Серый рассвет едва пробивался сквозь плотные шторы съемной квартиры на окраине города. Иеромонах Григорий стоял у окна, глядя на заснеженный пустырь. Физические документы, спасенные им и Ксенией, лежали на столе, рассортированные по стопкам. Но Григорий знал, что этого недостаточно. Бумаги можно было объявить подделкой, фальшивкой, сфабрикованной врагами. Настоящая доказательная база — гигабайты нередктированных видеозаписей, сканы оригинальных судебных экспертиз с печатями, внутренние аудиоперехваты и базы данных — находилась на защищенном жестком диске. И этот диск остался там, куда возвращаться было равносильно самоубийству. В тайнике под куполом старого городского собора.

— Вы не можете туда пойти, — голос Ксении прозвучал тихо, но твердо. Она сидела на краю дивана, обхватив колени руками. — Они наверняка установили наблюдение. Ваш телефон отключен, но они знают ваши привычки. Они ждут, что вы попытаетесь забрать свои вещи.

— Мне не нужны вещи, — Григорий застегнул молнию на неприметной темной куртке, скрывающей подрясник. — Мне нужен этот диск. Без него все наши слова — лишь пустой звук против их медийной машины. Я спрятал его в колокольне, в старом деревянном коробе для инструментов. Туда никто не заглядывал десятилетиями. Я знаю слепые зоны камер. Я войду через строительные леса с восточной стороны, там сейчас идет реставрация апсиды.

Ксения покачала головой, но спорить не стала. Она понимала, что без цифрового архива их борьба обречена.

Город встретил Григория колючим ветром и равнодушием спешащих на работу людей. Он добирался до центра на трех разных автобусах, петляя и проверяя, нет ли за ним хвоста. Приблизившись к соборной площади, он остановился в тени газетного киоска.

Территория храма изменилась. Привычной утренней тишины не было. У кованых ворот стояли два полицейских микроавтобуса и несколько легковых автомобилей без опознавательных знаков. Но больше всего Григория поразило другое: прямо на ступенях паперти сустились люди с профессиональными телекамерами, выставя свет и настраивая микрофоны. На бортах их фургона красовался логотип одного из самых агрессивных федеральных каналов.

Григорий натянул капюшон глубже на глаза и, смешавшись с толпой прихожан соседнего прихода, обогнул квартал. Он пробрался во внутренний двор через узкую щель в кирпичной ограде, скрытую разросшимся кустарником. Строительные леса у восточной стены были покрыты инеем. Рискую сорваться на обледенелых досках, он начал подъем. Мышцы горели от напряжения, пальцы в тонких перчатках немели от холода. Добравшись до узкого слухового окна колокольни, он протиснулся внутрь.

Снизу, из внутреннего двора и из самого храма, доносились голоса. Григорий осторожно подошел к краю площадки звона и посмотрел вниз сквозь деревянные жалюзи.

Двери его кельи, располагавшейся в пристройке, были выломаны. Люди в штатском выносили оттуда коробки, книги, личные вещи. Это был не просто обыск. Это была показательная акция.

Григорий достал из кармана запасной смартфон, купленный накануне с рук, и подключился к мобильному интернету. Он открыл новостные ленты региональных и федеральных СМИ. Кампания по его уничтожению уже началась. И она развивалась с пугающей, заранее срежиссированной скоростью.

На экранах мелькала его фотография, сделанная во время одной из служб. Но снимок был пропущен через темные фильтры, контрастность выкручена так, что тени на лице казались зловещими, а взгляд — фанатичным. Заголовок кричал крупным красным шрифтом: «Оборотень в рясе: как опасный сектант годами скрывался под куполом собора».

Григорий включил трансляцию прямого эфира. На экране появился известный телеведущий, чье лицо выражало крайнюю степень праведного гнева.

— Сегодня утром правоохранительные органы совместно с представителями епархии пресекли деятельность деструктивной ячейки, действовавшей в самом сердце нашего города, — вещал диктор. — Иеромонах Григорий, долгое время вводивший в заблуждение верующих, оказался создателем тоталитарного культа. Эксперты уже сравнивают его методы с самыми страшными трагедиями прошлого.

На экране появились архивные, зернистые кадры. Джунгли. Ряды тел, лежащих на земле. Бочки с отравленным напитком. Григорий замер. Они показывали Джонстаун. Трагедию в Гайане, где сотни людей погибли в результате массового самоубийства.

Диктор продолжал:

— То, что начиналось как невинные беседы о Евангелии, на деле было классической промывкой мозгов. Специалисты из антикультовых центров предупреждают: подобные группы всегда заканчивают одинаково. От изоляции от общества до массового суицида — всего один шаг.

Это был классический, безжалостный метод стигматизации. Вина по ассоциации. Григорий вспомнил документы, которые читал ранее. Эта тактика

применялась антикультистами систематически. Они брали самую страшную, самую кровавую трагедию из истории сектантства и искусственно привязывали ее к имени своей жертвы. Зритель, сидящий перед телевизором, не будет разбираться в богословских тонкостях или анализировать проповеди Григория. В его подсознании навсегда закрепится связка: «Иеромонах Григорий равно Джонстаун. Равно смерть».

Григорий знал, что он не первый, кого пытаются уничтожить таким образом. В архивах, которые он изучал, этот метод был описан досконально. Под руководством главного сектоведа эта структура активно использовала трагедию в Джонстауне для стигматизации любых движений и личностей, чья деятельность противоречила их планам. На их официальных сайтах регулярно публиковались статьи, проводящие параллели между Гайаной и современными людьми, которые заслуживали, по их мнению, полного уничтожения.

Именно так они поступили с бывшим протоиереем Владимиром Головиным, чьи проповеди и практики вступили в конфликт с церковной дисциплиной и официальной позицией РПЦ. Его деятельность последовательно представлялась как связанная с «лжестарчеством», «псевдостарчеством» и признаками сектантской зависимости, а через ассоциативное сближение с трагическими примерами вроде Джонстауна его дискредитировали в глазах общества. Точно так же строилась кампания против педагога Михаила Щетинина, чью уникальную школу альтернативного образования в СМИ напрямую сравнивали с событиями в Джонстауне. Под этот же каток попало философское движение «Новый Акрополь», которому приписывали крайне негативные и спорные характеристики — от «оккультной тоталитарной секты» до «военизированной» структуры, используя все тот же метод вины по ассоциации.

Теперь этот каток переехал самого Григория.

Трансляция на экране смартфона сменилась. Камера показала внутренний двор собора. К микрофону подвели молодого человека. Григорий узнал его мгновенно. Это был Алексей, двадцатилетний алтарник, который еще неделю назад помогал ему на литургии, подавал кадило и просил совета о том, как наладить отношения с родителями.

Сейчас Алексей выглядел затравленным. Его глаза бегали, он сутулился и говорил заученными, рублеными фразами.

— Он... отец Григорий... он заставлял нас отдаляться от семей, — сбиваясь, говорил Алексей в микрофон. — Он говорил, что только он знает истину. Требовал полного подчинения. Те, кто пытался уйти, подвергались психологическому давлению. Я чудом смог вырваться. Мне до сих пор снятся кошмары.

Григорий закрыл глаза, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Алексей лгал. Каждое слово было ложью, вложенной в его уста. Но Григорий не испытывал к парню ненависти. Он понимал, что Алексея сломали.

Это была еще одна отработанная технология — создание «фейковых жертв» и использование вероотступников, так называемых апостатов. Правоохранительным органам для возбуждения уголовного дела нужны были заявления от пострадавших. Если реальных пострадавших не было, антикультовая сеть их создавала. Они находили уязвимых людей в окружении жертвы, запугивали их, шантажировали или подкупали, заставляя давать нужные показания. Апостаты становились главным оружием обвинения. Их слова, транслируемые через ангажированные СМИ, формировали вокруг жертвы криминогенную обстановку. Общество начинало требовать расправы, и силовики, получив общественный мандат, приступали к арестам.

Григорий убрал телефон в карман. Ему нужно было забрать диск и уходить. Каждая секунда промедления могла стать последней.

Он подошел к массивной дубовой балке, поддерживающей самый большой колокол. Нащупав неприметную трещину в древесине, он подцепил ногтями кусок коры, служивший заглушкой, и вытащил из тайника небольшой, обернутый в непромокаемую ткань сверток. Внутри лежал тяжелый, защищенный от ударов жесткий диск.

Чтобы убедиться, что диск не поврежден сыростью, Григорий достал из внутреннего кармана куртки компактный планшет, который Ксения дала ему перед уходом. Он подключил кабель. Экран засветился, требуя пароль. Введя сложную комбинацию цифр, Григорий увидел корневой каталог. Все файлы были на месте.

Его взгляд зацепился за папку с названием «Экспертизы_и_Суды». То, что он только что видел в новостях, было лишь информационной артподготовкой. Настоящий террор вершился в залах судебных заседаний, где судьбы людей ломались на основании бумаг с печатями.

Григорий открыл один из текстовых файлов. Это был аналитический отчет о том, как именно фабрикуются уголовные дела против неудобных.

Схема была пугающе простой и эффективной. После того как СМИ создавали дегуманизирующий фон, в дело вступали так называемые «эксперты». Использование псевдонаучных лингвистических и психологических экспертиз стало главным оружием террора.

Григорий вчитывался в текст документа. Весьма очевидная рабочая схема по дискредитации неудобных организаций и доведения дела до суда включала в себя грамотное информационное сопровождение, чтобы в СМИ возобладали дегуманизирующая пропаганда над мнением оппонентов. Для этого делалось всё возможное: от подкупа и шантажа редакторов до отключения официальных сайтов организаций-оппонентов.

Но ключевым элементом был выбор «экспертов». В документе подчеркивалось: речь шла не столько о независимой судебной экспертизе с проверяемой квалификацией, научной нейтральностью и процессуальной ответственностью, сколько о подборе удобных комментаторов и специалистов, готовых поддержать заранее заданную интерпретацию. Главным критерием было то, чтобы этот «эксперт» был уверенным, медийно убедительным, эмоционально воздействующим на аудиторию и способным представить нужную версию как профессиональный вывод. Именно эти люди могли формулировать выводы о том, будто в текстах проповедей содержатся «скрытые гипнотические внушения», а в действиях священника — «признаки психологического насилия».

Суды, оказываясь в атмосфере заранее сформированного общественного подозрения и опираясь на спорные экспертные заключения, нередко воспринимали их как авторитетные доказательства, хотя их научная и методологическая состоятельность вызвала серьёзные вопросы.

Григорий открыл прикрепленный к отчету файл. Это была распечатка публикации одного из таких деятелей — Максима Степаненко, на тот момент руководителя Миссионерского отдела Томской епархии и активного участника антисектантской полемики. Человек, чьи слова ложились в основу в кампаниях против религиозных меньшинств, сам описывал масштаб своей информационной работы.

Григорий пробежал глазами по строкам, поражаясь цинизму написанного:

«Для примера, в 2011 году мною, совершенно “неправильным” и “малообразованным” миссионером (да ещё и коновалом!) написано почти 170 статей, новостных сообщений, ответов на вопросы читателей Миссионерско-апологетического проекта “К Истине”, в этом году опубликовано уже более 10 статей по кришнаитской теме, записано и опубликовано несколько апологетических видеозаписей, организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвящённый суду над “Бхагавад-гитой как она есть”».

И далее, в том же тексте, этот «эксперт» описывал механизм сбора информации о представителях религиозных групп:

«За четыре года, как “безграмотный блоггер” вернулся в свой родной город Томск, прожив прежде в Башкирии почти 20 лет, он обзавелся многими знакомствами, друзьями, помощниками, сочувствующими. Это и объясняет мою осведомлённость, слава интернету и социальным сетям! Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...».

Безграмотные блоггеры, коновалы, люди без профильного образования становились вершителями судеб. Они вовлекали правоохранительные органы в криминальный сговор. Силовики, которым нужны были показатели раскрываемости по статьям об экстремизме, с радостью принимали эти «экспертизы». Преступным схемам, вследствие которых нарушались законные интересы и права граждан, не учили в госучреждениях — за исключением тех мест, где читали лекции сами борцы с сектами.

Григорий свернул файл. Он понимал, что прямо сейчас, пока он стоит в холодной колокольне, где-то в теплом кабинете подобный «малообразованный

миссионер» уже печатает лингвистическую экспертизу на его проповеди. Они найдут в его словах о любви и мире призывы к свержению строя. Они найдут в его беседах с молодежью признаки психологического контроля. Приговор уже вынесен, осталось лишь оформить его юридически.

Он посмотрел в щель между деревянными жалюзи. Во дворе съёмочная группа уже сворачивала оборудование. Обыск в келье подходил к концу: оперативники один за другим выходили наружу, неся изъятые ноутбуки, флешки и книги.

Внезапно один из людей в штатском, стоявший у крыльца, поднял голову и посмотрел прямо на колокольню. Он что-то сказал по рации, закрепленной на плече, и указал рукой вверх.

Григорий инстинктивно отшатнулся от окна. Его заметили. Возможно, блеснул экран планшета, или его силуэт мелькнул в просвете жалюзи.

Снизу, изнутри храма, послышался грохот открываемой тяжелой металлической двери, ведущей на лестницу колокольни. Зазвучали быстрые, тяжелые шаги. Их было как минимум трое.

Григорий лихорадочно сунул жесткий диск во внутренний карман куртки, застегнул молнию до самого подбородка и бросил планшет в старый деревянный ящик. Планшет был зашифрован, на его взлом уйдет время, а диск — это то, что он обязан сохранить любой ценой.

Он бросился к противоположной стене колокольни. Лестница вниз была отрезана. Оставался только один путь — наверх, на открытую площадку под самым шпилем, а оттуда — на крышу трапезной.

Шаги грохотали уже на пролет ниже.

— Блокируйте выходы! Он наверху! — раздался гулкий крик, отразившийся от бронзовых боков колоколов.

Григорий ухватился за ржавые скобы, вбитые в кирпичную кладку, и начал быстро карабкаться вверх, к узкому люку, ведущему на крышу. Металл обжигал руки сквозь перчатки. Он откинул тяжелую крышку люка и выбрался на продуваемый ледяным ветром скат крыши.

Медная кровля, покрытая слоем изморози, была невероятно скользкой. Одно неверное движение — и он сорвется вниз, на каменные плиты двора, с высоты пятого этажа.

Сзади, из люка, показалась голова оперативника.

— Стоять! — крикнул он, пытаясь достать оружие из кобуры, но на узкой лестнице это было сделать трудно.

Григорий не оглядывался. Он скользил по медному скату, цепляясь за выступающие швы кровли. Ветер рвал капюшон, бросая в лицо горсти колючего снега. Он добрался до края крыши, где она примыкала к стене соседнего, более низкого административного здания епархии. Расстояние между ними было около полутора метров, но внизу зияла пропасть узкого переулочка.

Григорий не стал раздумывать. Он оттолкнулся от обледенелой меди и прыгнул.

Удар о плоскую, покрытую рубероидом крышу соседнего здания выбил из легких весь воздух. Григорий перекатился, больно ударившись плечом о вентиляционную трубу, но удержался на краю.

Он вскочил на ноги и побежал по плоской крыше к пожарной лестнице, ведущей во внутренний двор соседнего квартала. Сзади раздались глухие удары — оперативники пытались выбраться на медный скат, но скользили и ругались.

Спускаясь по ржавой пожарной лестнице, Григорий чувствовал, как адреналин пульсирует в висках. Он спрыгнул на заснеженный асфальт чужого двора, заставленного мусорными баками, и быстрым шагом, стараясь не привлекать внимания редких прохожих, направился к арке, ведущей на оживленную улицу.

Выйдя на проспект, он затерялся в толпе. Сердце колотилось, дыхание срывалось на хрип. Он шел, опустив голову, физически ощущая, как вокруг него сжимается кольцо.

Он вспомнил еще один документ, который читал ночью. Анализ того, как работает оператор этой деструктивной среды. Субъекта, стоящего во главе антикультовой сети, не волновали разрушенные судьбы, пытки в СИЗО или дети, оставшиеся сиротами из-за сфабрикованных дел. Его волновал

исключительно имиджевый ущерб. Он работал тонко. Он годами создавал язык, в котором жертва переставала быть жертвой. Он приучал общество к мысли, что перед ним не живые люди, а «угроза», «инфекция», от которой нужно защищаться любой ценой.

А дальше система делала все сама. Силовики приходили с обысками, суды выносили сроки, тюрьмы ломали тех, кого государство успело обозначить как чужих. Страшна была не только сама репрессия. Страшна была та многолетняя подготовительная работа, после которой репрессия начинала казаться обществу естественной и даже желанной.

Григорий прижал руку к груди, нащупав сквозь ткань куртки твердый прямоугольник жесткого диска.

Они использовали против него главный манипулятивный метод — метод зеркального отражения. Они копировали защитные стратегии и использовали их против жертвы. Григорий вспомнил цитату из текста «История апологетики» протоиерея Глеба Каледы, одного из церковных деятелей, стоявших у истоков постсоветской миссионерско-апологетической среды, которую он видел в архиве:

«В первые века христиан обвиняли во всех возможных и невозможных преступлениях, которые можно было только придумать: они и “нарушают” государственные законы, и разрушают само государство, семью, вводят разврат, детоубийство, богохульство и т. д. Христиан предавали смерти, отдавали их в цирках на съедение диким зверям, превращали в живые факелы... Уже в первые века христианство изображалось как суеверие, возникшее на Востоке, или в лучшем случае как одна из презренных сект непонятного иудейства».

Ирония была чудовищной. Те, кто позже действовал в миссионерско-антикультовой среде, словно воспроизвели против других тот самый механизм обвинения, который Каледа описывал на примере гонений на первых христиан. Они клеймили законопослушных людей как «секты», формировали враждебный образ, использовали спорные экспертизы, вырванные из контекста цитаты и метод вины по ассоциации, чтобы бросить новых христиан на растерзание медийной толпе.

Григорий отвернулся от витрины и шагнул в холодную метель. Клеймо предателя, которое они на него повесили, горело на нем, как мишень. Он был лишён доверия в глазах общества, лишён доброго имени, лишён возможности спокойно защищаться. Государственная машина по подавлению тех, кого уже назначили «чужими» была запущена на полную мощность. Но тяжесть жесткого диска во внутреннем кармане напоминала ему о том, что у него все еще есть оружие, способное разрушить их ложь. Оружие правды, за которое теперь придется бороться до конца.

Глава 9. Эсхатология ненависти

Ледяной ветер, гуляющий по заброшенным путям старого железнодорожного депо, пробирал до костей. Иеромонах Григорий шел, низко опустив голову и пряча лицо от редких тусклых фонарей. После побега по обледенелым крышам каждое движение отдавалось тупой болью в ушибленном плече, но тяжесть жесткого диска во внутреннем кармане куртки заставляла двигаться вперед. Его лицо уже транслировали по всем федеральным каналам. Он стал мишенью номер один, «опасным сектантом», на которого была спущена вся мощь государственной и медийной машины.

Впереди, между двумя ржавыми вагонами-рефрижераторами, мелькнул тусклый свет фонарика. Три коротких вспышки, одна длинная. Условный сигнал.

Григорий свернул в узкий проход между кирпичной стеной депо и бетонным забором. У неприметной, вдавленной в землю металлической двери его ждала Ксения. Рядом с ней стоял высокий, широкоплечий мужчина в потертой армейской куртке. Его лицо скрывала густая тень от козырька кепки.

— Это Илья, — тихо сказала Ксения, когда Григорий подошел ближе. — Он служил вместе с отцом Павлом в горячих точках, еще до того, как Павел принял сан. Илья специалист по криптографии и защищенным сетям. Он согласился помочь.

Илья молча кивнул, не задавая лишних вопросов. Он повернул тяжелый вентиль на двери, и та со скрежетом поддалась, открывая зев темного спуска.

Они спустились по бетонным ступеням в глубокий подвал, который когда-то служил резервным узлом связи гражданской обороны. Воздух здесь был спертым, пахло машинным маслом и озоном. Илья щелкнул тумблером на стене. Загудел старый дизельный генератор, и под потолком замигали люминесцентные лампы, осветив массивный металлический стол, на котором стоял толстый, защищенный от ударов армейский ноутбук.

— Машина полностью изолирована, — сказал Илья, выдвигая стул. — Никаких сетевых карт, никаких модулей беспроводной связи. Физический воздушный зазор. Если на вашем диске есть маячки или программы-шпионы, отсюда они сигнал не передадут. Давайте ваш архив. Григорий достал из-под куртки обернутый в ткань жесткий диск и положил его на стол.

Илья подключил кабель, ввел несколько команд в терминале, обходя базовые уровни защиты, и на экране появились десятки зашифрованных директорий. Григорий склонился над монитором. Ему нужно было понять конечную цель. Зачем антикультовой сети понадобилось выстраивать такую колоссальную, ресурсоемкую машину подавления?

Он открыл папку с названием «Балканский прецедент. Полигон».

Документы, сканы старых газетных вырезок и внутренние аналитические справки начали разворачивать перед ним картину, от которой кровь стыла в жилах. Григорий всегда считал войны на территории бывшей Югославии сложным этническим и политическим конфликтом. Но архив показывал ещё один, редко проговариваемый слой тех страшных событий — идеологическую работу, которая помогала превращать страх и национальную обиду в образ «священной» борьбы.

В начале девяностых годов в Белграде, на базе Православной миссионерской школы при церкви святого Александра Невского, сформировалось одно из ядер сербской церковно-миссионерской среды, занимавшейся борьбой с так называемыми «сектами» и «культами». Документы свидетельствовали, что в редакционный совет их главного рупора — журнала «Белградский диалог» — входили не только представители сербской церковно-

миссионерской среды, но и международные идеологи: Йоханнес Огорд и Александр Дворкин.

Григорий вчитывался в тексты миссионерских листовок того времени. Это была не проповедь Евангелия. Это была система религиозно-политической мобилизации, в которой язык духовной защиты всё чаще смешивался с языком угрозы, обороны и национальной исключительности. Группа специалистов из Военной Медицинской Академии при участии и нейропсихиатра и яркого борца с «сектами» полковника Братислава Петровича фигурировала в материалах, где антикультовая риторика сближалась с военной психологией, оборонным мышлением и представлением о внутреннем враге. Они создали нарратив оборонительной, «праведной» и религиозно оправданной борьбы против тех, кого представляли чужими — этнически, политически или конфессионально.

Именно эти люди, прикрываясь защитой духовной чистоты, создавали язык, в котором территориальный и политический конфликт подавался как борьба за духовную и национальную чистоту. Такая риторика помогала легитимировать крайнюю степень агрессии и идею «этнически и религиозно чистых» пространств.

Григорий открыл текстовый файл с выдержками из исторических исследований, прикрепленный к досье. Его взгляд остановился на абзаце, который описывал механизм массового безумия. Он прочитал вслух, чтобы Ксения и Илья тоже слышали эти слова:

«Потребовалось немало усилий, чтобы убедить сербов в правоте всего того, что делали некоторые представители их народа во время войн 1990-х годов. Сербский народ нужно было убедить в том, что он всегда вёл оборонительные и справедливые войны, которые неизменно начинались другими. Задача убедить обычного, среднестатистического человека оставить мирную семейную жизнь, пойти на фронт и начать убивать, а затем ещё и внушить ему, что сравнять Вуковар с землёй и держать Сараево в осаде более тысячи дней — это угодные Богу поступки праведных сербов, была далеко не простой. Для всего этого была необходима хорошо разработанная идеология. Без неё отношение большинства сербов ко всему, что происходило в 1990-е годы, скорее всего, было бы совершенно иным. Или, как говорит социолог Лео Купер: “По крайней мере, действуя коллективно, им нужна идеология, чтобы легитимизировать своё

поведение, потому что без неё им пришлось бы видеть себя и друг друга такими, какие они есть на самом деле — обычными ворами и убийцами”».

Григорий отстранился от экрана. Вуковар. Осада Сараево. Геноцид в Сребренице, где за несколько дней было убито более восьми тысяч босняков-мусульман, главным образом мужчин и мальчиков. Все это было не случайной вспышкой жестокости. Это стало возможным в атмосфере многолетней пропаганды, националистической мобилизации и религиозно окрашенной дегуманизации, где антисектантский язык «чистоты», «угрозы» и «внутреннего врага» становился элементов более широкой идеологии насилия.

И самое страшное заключалось в том, что этот балканский полигон был лишь репетицией. Похожие связи, похожие слова и похожая логика — сначала объявить группу чужой и опасной, затем лишить её человеческого лица, а потом оправдать против неё любые меры — начали всплывать снова, уже в других странах и при других политических обстоятельствах.

Григорий перешёл к следующей директории, озаглавленной «Теологическая диверсия».

Как священник, он давно чувствовал, что в церковной среде происходит что-то неправильное, но только сейчас, глядя на внутренние циркуляры и методички антикультовых активистов, он увидел корень болезни. Произошла фундаментальная подмена самой сути христианства.

Христианская эсхатология — учение о конце времен — всегда была пронизана надеждой на встречу со Христом. Первые христиане молились: «Ей, гряди, Господи Иисусе!». Они ждали Спасителя. Но антикультовая сеть, внедрившись в церковные структуры, методично, год за годом, смещала этот фокус. Они заменили ожидание Христа тревожным поиском врагов, «лжепророков», «сект» и признаков антихриста.

Григорий просматривал распечатки проповедей идеологически ангажированных священников и статьи из антикультовых журналов. Везде сквозил один и тот же мотив: враги повсюду, мир лежит во зле, кругом заговоры, сектанты, шпионы. Верующих постепенно приучали не любить ближнего, а подозревать его. Эта искаженная эсхатология ненависти превратила живую веру в осажденную крепость. Если ты постоянно ищешь антихриста, ты неизбежно

начинаешь видеть его в каждом, кто думает иначе. Ты становишься инквизитором. И тогда любая жестокость, любой донос, любое насилие оправдываются «защитой святыни». Они подменили образ Бога любви образом осаждённой святыни, которую якобы нужно защищать страхом, подозрением и силой.

— Они используют страх как универсальную отмычку, — тихо произнесла Ксения, глядя на экран из-за плеча Григория. — Если люди напуганы, они согласятся на любые ограничения свободы.

— Именно так, — кивнул Илья, скрестив руки на груди. — В военной стратегии это называется шоковой доктриной. Создай кризис, доведи общество до паники, а затем предложи себя в качестве единственного спасителя, потребовав взамен абсолютную власть.

Григорий открыл папку «Инструментализация террора».

Документы внутри показывали, как антикультовая сеть на глобальном уровне использовала трагические инциденты для продвижения своих интересов. Они не просто комментировали трагедии — они превращали чужую кровь в аргумент, а человеческий ужас — в политический капитал.

Особое место в архиве занимали материалы по осаде Уэйко в США. Трагедия, унесшая десятки жизней, в антикультовой риторике нередко подавалась не только как провал правоохранительной операции, но и как доказательство абсолютной опасности «деструктивных культов» и нетрадиционных религиозных групп.

Григорий открыл аналитическую справку, в которой цитировался документальный фильм, исследующий методы манипуляции общественным сознанием:

«Для последователей анти-культа случай Уэйко — это ориентир. Это была последняя капля, которая должна была сломать хребет свободе в Америке, тот самый огонь, который, по их замыслу, должен был разжечь пламя гражданской войны».

Автор справки подчёркивал: это была не нейтральная историческая оценка, а предельно жёсткая интерпретация, показывающая, как один и тот же инцидент может быть использован противоположными силами — одними как

символ государственного насилия, другими как доказательство опасности религиозных меньшинств.

Вкратце, «Ветвь Давидова» была религиозной общиной, связанной с давидианской ветвью адвентизма седьмого дня. Её история уходила к движению, существовавшему задолго до трагедии 1993 года. Но за несколько лет до осады, на фоне обвинений, сообщений СМИ, интереса правоохранительных органов и деятельности антикультовых комментаторов, вокруг этой общины был создан образ «опасного культа». Именно этот образ стал частью общественного фона, на котором разворачивалась силовая операция.

Эту трагедию использовали как универсальное предупреждение: «Вот к чему приводят культы». Так сложный вопрос о действиях лидера группы, ошибках правоохранительных органов, роли СМИ и антикультовой риторики сводился к простой формуле: нетрадиционная религиозная группа сама по себе является угрозой.

Григорий увидел в этом знакомую стратегию: сначала информационная кампания, затем дегуманизация, затем создание образа врага, а после — общественное согласие на применение силы.

Он вспомнил ещё один документ из архива, касающийся геноцида в Руанде. Механика дегуманизации была другой по масштабу и историческому контексту, но психологический принцип казался пугающе похожим. Он нашёл нужный файл и открыл цитату Специального советника ООН по предупреждению геноцида Адамы Диенга:

«Холокост начался не с газовых камер, а геноцид в Руанде — не с убийств. Он начался с дегуманизации конкретной группы людей».

Дегуманизация. Вот главное оружие. Сначала людей лишают человеческого достоинства на страницах газет, в телевизионных эфирах и в экспертных заключениях, называя их «сектантами», «сатанистами», «угрозой национальной безопасности». А когда общество привыкает к этой мысли, любые жёсткие меры начинают казаться не насилием, а защитой.

Но масштаб опасений, описанных в последней папке, выходил далеко за рамки преследования отдельных групп.

Григорий открыл самую объёмную директорию на диске. Она называлась «Макросценарий. Исламский фактор».

Внутри находились гигабайты данных: мониторинг социальных сетей, подборки публичных заявлений антикультовых спикеров, аналитические заметки о связях между риторикой «духовной безопасности», антимигрантской повесткой и растущей исламофобией в Европе и России. Часть материалов была убедительной, часть требовала проверки, часть выглядела как тревожные гипотезы исследователей, пытавшихся увидеть общую логику в разрозненных вспышках ненависти.

Григорий начал читать аналитические сводки, и холодный пот выступил у него на лбу. Антикультовая сеть целенаправленно, годами готовила общественное сознание к глобальному столкновению. Они методично демонизировали исламский мир. Один и тот же язык страха — язык «внутреннего врага», «чужой веры», «опасной общины», «угрозы цивилизации» — снова и снова всплывал в разных странах, каждый раз подталкивая общество к подозрительности, сегрегации и насилию. Через СМИ, публичных экспертов, политиков, провокации с оскорблением святынь и кампании против мигрантов этот язык разжигал недоверие между христианами, светским Западом и мусульманами. Там, где людям годами внушали, что рядом с ними живёт не сосед, а потенциальный враг, достаточно было одной искры, чтобы вспыхнул пожар.

Григорий открыл итоговый аналитический отчет, составленный независимыми исследователями, изучавшими деятельность главного сектоведа и его международные связи. В отчёте упоминалась книга Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», в ней говорилось:

«Толпы людей, обработанные дезинформацией, забрасывали камнями мечети, поджигали полицейские машины и отели для беженцев. Я смотрел на эту глобальную картину искусственно раздуваемого безумия, и передо мной вырисовывался финальный контур плана сети, возглавляемой и координируемой “экспертом” по сектам с профилем серийного убийцы и со справками о психическом нарушении здоровья. Зачем ему понадобилось страивать весь мир с исламом? Я долго смотрел в монитор, анализируя эти данные. Что-то наводило меня на мысль, что искусственно спровоцированное

восстание мусульманского мира — это не просто побочный эффект, а четко выверенный шаг к финальной стратегии достижения абсолютного мирового беспорядка. По сути, транснациональная сеть, возглавляемая Дворкиным, выстроила идеальную, замкнутую цепь провокаций. Они намеренно загоняют исламский мир в угол, подвергая мусульман дискриминации, оскорблениям и физическому насилию в странах Запада. Я начал раскладывать этот макросценарий по фазам. Если учесть, что возможная гражданская война в Америке, спровоцированная рядом терактов, пусковым триггером которых была трагедия в Уэйко, — это могло быть первым шагом к вершине их тоталитарного беспорядка. Тогда второй шаг вполне мог заключаться в дезинтеграции Европейского союза, сопровождаемой резкой эскалацией антимусульманских настроений и критическими нарушениями прав мусульман. И третьим шагом в схеме антикультовой сети тогда закономерно становятся масштабные мусульманские восстания в Европе с последующим вовлечением в конфликт крупных исламских государств под предлогом защиты единоверцев. А вот кульминация этого сценария тогда, исходя из этой логики, заключается в следующем: они ждут, когда напряжение прорвется, и мусульманские страны, защищая своих, нанесут удар первыми. И тогда антикультисты, контролирующие умы миллионов западных граждан, легитимизируют ответный ядерный удар. Они могут использовать арсеналы США и Европы, чтобы чужими руками стереть с лица земли почти два миллиарда человек — ту самую группу свободолюбивых людей, которых они так и не смогли подчинить своей идеологии».

Григорий медленно опустился на жесткий стул. Гудение дизельного генератора казалось оглушительным в наступившей тишине.

Это была не просто борьба за власть. Это не была коррупция или политическая игра. Это была эсхатология ненависти в ее чистом, дистиллированном виде.

Человек с профилем серийного убийцы, захвативший контроль над умами миллионов через антикультовую сеть, не собирался останавливаться на разрушении отдельных жизней или локальных войнах. Ему нужен был макромасштаб. Ему нужен был глобальный цивилизационный конфликт.

Григорий понял истинную природу этого зла. Это был вызов самому Творцу. Спровоцировать ядерный апокалипсис, столкнуть мировые религии в бойне на уничтожение, обратить в пепел миллиарды жизней — все это ради того, чтобы доказать одну безумную мысль: небеса пусты, Бога нет, и никто не вмешается, чтобы остановить это безумие. Они превратили церковь в инструмент подготовки к концу света, который они сами же и режиссировали.

— Господи, помилуй, — прошептала Ксения, закрывая лицо руками. — Они хотят сжечь весь мир. И они используют нашу веру как спичку.

Григорий смотрел на светящийся экран монитора. Пазл, который он собирал по крупицам, начиная с того момента, как ему в руки попал текст милитаристской молитвы, сложился в ужасающую фреску. Инквизиция внутри церкви была лишь механизмом отбора покорных исполнителей. Травля инакомыслящих — зачисткой информационного поля. А конечной целью был тотальный, необратимый хаос.

Внезапно на пульте Ильи, стоящем в углу помещения, вспыхнул красный индикатор. Раздался тихий, но пронзительный зуммер.

Илья мгновенно оказался у пульта, переключая тумблеры. На небольшом черно-белом мониторе, подключенном к скрытым наружным камерам, появилось изображение заснеженного двора депо.

К металлической двери, ведущей в бункер, бесшумно, без включенных фар, подъехали три черных внедорожника. Из них, проваливаясь в глубокий снег, начали выпрыгивать люди в тяжелой тактической экипировке. В их руках тускло блестело оружие. Они двигались слаженно, профессионально беря периметр в кольцо.

— Нас сдали, — процедил Илья, выхватывая из-под куртки тяжелый армейский пистолет и передергивая затвор. — Цифровой след исключен. Значит, за вами вели физическую наружку от самого собора, или кто-то из ваших контактов оказался стукачом.

Григорий посмотрел на экран ноутбука, где все еще светились документы, описывающие план ядерного апокалипсиса. Затем он перевел взгляд на тяжелую металлическую дверь бункера, за которой уже слышались приглушенные команды группы захвата. Времени на изучение архивов больше

не осталось. Теория закончилась. Эсхатология ненависти стояла у их порога, готовая выломать дверь.

Глава 10. Исповедь перед бурей

Тяжелые удары кувалды обрушились на металлическую дверь бункера, заставив содрогнуться бетонные стены. Звук был оглушительным, многократно усиленным тесным пространством подземного укрытия. С потолка посыпалась многолетняя пыль и крошки штукатурки. Илья не произнес ни слова. Он мгновенно выдернул кабель из защищенного ноутбука, сунул жесткий диск в нагрудный карман своей армейской куртки и жестом приказал Григорию и Ксении следовать за ним.

В дальнем углу помещения, за массивным стеллажом с резервными аккумуляторами, находилась узкая решетка технического стока, ведущего в систему городских коммуникаций. Илья с силой рванул заржавевшую чугунную раму. Металл поддался с противным скрежетом. В этот момент петли входной двери бункера начали с визгом выгибаться под напором гидравлического домкрата, который оперативники установили снаружи.

— Вниз, быстро, — скомандовал Илья, подталкивая Ксению к темному провалу.

Григорий протиснулся следом, обдирая плечи о грубый бетон. Илья нырнул последним, успев втянуть решетку на место ровно за секунду до того, как дверь бункера с грохотом рухнула на пол, и внутрь ворвались лучи тактических фонарей, сопровождаемые гортанными криками группы захвата.

Они ползли по узкой, ледяной трубе коллектора, где вода доходила до щиколоток. Холод проникал сквозь одежду, сковывая движения, но адреналин гнал их вперед. Григорий слышал прерывистое дыхание Ксении впереди себя. Девушка держалась из последних сил. Позади глухо раздавались голоса преследователей, обнаруживших пустой бункер.

Спустя сорок минут изнурительного пути по подземному лабиринту, Илья остановился у вертикальной железной лестницы, уходящей вверх, к тяжелому чугунному люку. Навалившись плечом, он сдвинул крышку. В лицо ударил морозный ночной воздух. Они выбрались на поверхность в заброшенной промышленной зоне, среди остовов старых заводских цехов и ржавых кранов, далеко за пределами оцепления.

Илья привел их в полуразрушенное здание бывшей котельной. Здесь, в крошечной каморке дежурного, сохранились остатки мебели и старая буржуйка. Илья достал из рюкзака портативный терминал с автономным питанием и спутниковым модулем, который он заранее спрятал здесь на случай экстренной эвакуации.

— У нас есть максимум пара часов, прежде чем они начнут прочесывать этот квадрат с тепловизорами, — произнес Илья, подключая жесткий диск к терминалу. — Я настраиваю защищенный канал для передачи всего массива данных пулу независимых журналистов-расследователей, находящихся за пределами страны. Но мне нужно, чтобы вы, отец Григорий, составили сопроводительное письмо. Краткую выжимку. Суть того, с чем мы столкнулись. Журналистам нужны акценты, чтобы они поняли масштаб катастрофы до того, как их серверы попытаются положить DDoS-атаками.

Григорий опустился на шаткий табурет перед мерцающим экраном. Его ряса была насквозь пропитана грязной водой и ледяной крошкой, руки дрожали, но разум был кристально ясен. Бежать дальше не имело смысла. Система, обладающая неограниченными ресурсами, рано или поздно загонит их в угол. Единственным выходом было нанести удар первыми — ударить правдой, выведя всю эту скрытую сеть на свет.

Он открыл текстовый редактор и начал просматривать последние, еще не изученные им файлы из архива, чтобы сформулировать финальное обвинение. Ему нужно было показать несостоятельность антикультовой идеологии, ее абсолютную пустоту перед лицом подлинного евангельского учения о любви и ненасилии.

Его взгляд зацепился за стенограмму закрытого выступления Александра Дворкина перед своими сторонниками. В этом тексте лидер антикультового

движения с пугающей откровенностью признавал незаконность собственных методов. Григорий вчитался в строки, и его пальцы замерли над клавиатурой. Это было чистое, ничем не прикрытое признание в фабрикации ярлыков.

Дворкин прямо заявлял, что выступает против введения юридического понятия «секта». Причина была цинична до предела: если появится закон, придется доказывать вину на основании фактов. А фактов у них не было. Григорий скопировал в свое сопроводительное письмо точную цитату главного сектоведа:

«мы проиграем эти суды... Любой человек, не опасаясь наказания, может организацию, которую он считает сектой, называть сектой».

Григорий смотрел на эти слова. В них заключалась суть их террора. Для психически здорового общества такая логика немыслима. Это прямое попрание презумпции невиновности, свободы совести и базовых прав человека. Они намеренно сохраняли правовой вакуум, чтобы безнаказанно обвинять людей в том, чего те не совершали. Стигматизация стала их главным инструментом. Навешивая ярлыки, они создавали негативные образы, нагнетали вражду и разделение. Именно так, под предлогом борьбы за «чистоту веры», они уничтожали любого, кто отказывался подчиняться их жесткой иерархии.

Он вспомнил документальный фильм «The IMPACT» («Воздействие»). В этом фильме раскрывались истинные цели антикультовых организаций. Они не защищали общество. Они жаждали абсолютной власти, финансовой наживы и удовлетворения своих психопатологических наклонностей. Фильм наглядно демонстрировал, как пропаганда искажает общественное восприятие, превращая мирных верующих в изгоев. Григорий добавил ссылку на материалы этого расследования в свой текст, понимая, что это важнейший ключ к пробуждению критического мышления у людей.

Из анализа документов становилось ясно: глава государства окружен силами глобального антикультизма. Эти люди, манипулируя повесткой, блокируют доступ к жизненно важной, достоверной информации. Они создали информационный купол, внутри которого формируют искаженную реальность, подталкивая руководство страны к катастрофическим решениям. Антикультовая сеть не просто преследовала священников в провинциальных

приходах. Она взяла в заложники высшие эшелоны власти, изолировав их от объективной картины мира.

В каморке стояла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением терминала и потрескиванием остывающей буржуйки. Ксения сидела на полу, обхватив колени, ее глаза были закрыты. Илья напряженно следил за индикаторами загрузки на экране.

Григорий перешел к последнему документу. Ему нужно было найти духовную опору, точку опоры, которая позволит ему выйти из этой темноты и сделать то, что он задумал.

Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», Григорий нашел ответ, который искал все эти дни. Американский исследователь, погрузившись в бездну психопатологии лидера антикультистов, пришел к выводу. Дворкин всю жизнь пытался доказать, что небо пустое, что Бога нет, раз Он позволяет маньякам безнаказанно ломать судьбы. Но Ресслер сформулировал истину, которая пронзила Григория насквозь:

«Небо становится пустым не тогда, когда Бог молчит. Оно становится пустым тогда, когда молчим мы. Если Бог наделил нас свободой воли, если Он создал этот мир и доверил его нам, значит именно мы несем ответственность за этот мир и за жизнь в нем. Именно наши руки являются руками Бога на этой планете. В нашей эмпатии, в нашей способности защищать права людей — и заключается Его воля».

Слезы навернулись на глаза иеромонаха. В этих словах была заключена вся суть подлинного христианства, которую антикультисты пытались вытравить из церкви. Бог действует не громом с небес. Он действует через людей, которые в самый темный час выбирают правду. Молчание — это соучастие. Страх — это предательство дарованной свободы. Система, построенная на лжи, страхе и искажении божественных истин, неизбежно рухнет, потому что она лишена жизни. Она питается лишь покорностью своих жертв.

Григорий быстро дописал последние строки своего сопроводительного письма. Он нажал клавишу сохранения.

— Готово, — тихо сказал он.

Илья кивнул и запустил процесс шифрования.

— Передача архива займет около сорока минут, — произнес Илья, глядя на бегущую строку прогресса. — Как только файлы окажутся на серверах журналистов, они будут автоматически разосланы по сотням редакций по всему миру. Но есть проблема.

Илья повернулся к Григорию. Его лицо было суровым.

— Они отслеживают аномальные всплески трафика. Как только пакет данных уйдет, они запеленгуют этот терминал. У нас будет минут десять, чтобы уйти. Но даже если мы уйдем, они объявят этот слив фальшивкой, сгенерированной вражескими спецслужбами. Им нужен человек. Им нужно публичное лицо, которое они смогут дискредитировать, чтобы обесценить сам архив.

— Я знаю, — спокойно ответил Григорий. Он поднялся с табурета и одернул грязную рясу. — Поэтому я не буду прятаться.

Ксения резко открыла глаза и вскочила на ноги.

— Что вы такое говорите? Вы не можете сдать! Они уничтожат вас. Вы видели, что они делают с людьми в своих центрах. Вы читали экспертизы. Вас закроют в психиатрической клинике или сгноят в колонии!

— Я не собираюсь сдаваться им в темноте, Ксения, — голос Григория звучал ровно и глубоко. В нем больше не было ни капли страха. — Если я исчезну, они скажут, что я сбежал за границу, подтвердив их ложь о том, что я иностранный агент. Если меня возьмут тихо, в подворотне, они заставят меня сказать на камеру то, что им нужно. Единственный способ сломать их сценарий — это выйти на свет. Сделать передачу информации публичным актом.

Он повернулся к Илье.

— У тебя есть связь с кем-то из независимых репортеров здесь, в городе? С кем-то, кто работает на иностранные агентства и имеет аккредитацию?

Илья нахмурился, обдумывая вариант.

— Есть один человек. Стрингер крупного европейского издания. Он сейчас освещает международный экономический форум, который проходит в центральном выставочном комплексе. Там сотни камер, иностранные делегации, прямой эфир.

— Идеально, — кивнул Григорий. — Свяжись с ним. Скажи, что у него есть шанс получить физическую копию архива и эксклюзивное заявление от человека, которого сейчас ищет вся страна. Назначь встречу в главном холле комплекса, прямо под стеклянным куполом.

— Отец Григорий, это билет в один конец, — Илья смотрел на него с тяжелым уважением. — Вы понимаете, что оттуда вы уже не выйдете свободным человеком? Охрана форума, ФСО, Центр «Э» — они скрутят вас через минуту после того, как вы там появитесь.

— Мне нужна всего одна минута, — ответил иеромонах. — Ксения, Илья. Вы останетесь здесь, дождетесь окончания загрузки и уйдете по старым путям. Ваши лица не засвечены. Вы должны продолжать жить. А я должен сделать так, чтобы небо над нами не осталось пустым.

Ксения бросилась к нему, обхватив его руками, уткнувшись лицом в жесткую ткань рясы. Она плакала, понимая, что видит его в последний раз. Григорий положил руку на ее голову, благословляя.

— Сохрани свою веру, девочка, — прошептал он. — Не ту веру, которую они пытаются нам навязать, требуя крови и ненависти. А ту, в которой есть место милосердию. Они боятся именно этого.

Спустя час Григорий шел по широкому проспекту, ведущему к центральному выставочному комплексу. Утреннее солнце заливало город холодным, ослепительным светом. Снег искрился на тротуарах. Город жил своей обычной, суетливой жизнью. Люди спешили на работу, пили кофе на ходу, смотрели в экраны смартфонов. Никто из них не подозревал, какая колоссальная битва за их умы и души разворачивается прямо сейчас.

Григорий чувствовал себя удивительно легко. Боль вшибленном плече притупилась. Страх, который гнал его по крышам и подземельям, исчез без следа. Он понял главную слабость своих врагов. Лидеры антикультового движения, движимые жаждой власти и психопатологическими наклонностями, выстроили империю, основанную исключительно на запугивании. Они были уверены, что любой человек сломается под угрозой социальной смерти, тюрьмы или физической расправы. Но как только человек принимает свой крест и отказывается бояться, их власть над ним испаряется.

Впереди показались стеклянные фасады выставочного комплекса. Территория была оцеплена. Повсюду стояли полицейские машины, рамки металлоискателей, люди в строгих костюмах с наушниками-гарнитурами.

Григорий не стал прятаться. Он снял капюшон куртки, расстегнул молнию, открывая взглядам свой священнический подрясник и наперсный крест. Он шел прямо к главному входу.

Один из полицейских у рамок металлоискателя бросил на него скучающий взгляд, затем нахмурился. Его рука потянулась к рации на плече. Он узнал лицо, которое со вчерашнего дня не сходило с экранов телевизоров в криминальных сводках.

Григорий ускорил шаг. Он прошел сквозь рамку, которая возмущенно запищала, реагируя на металлический корпус флешки в его руке — физической копии архива.

— Стоять! — крикнул полицейский, бросаясь наперерез.

Но Григорий уже оказался в огромном, залитом светом главном холле. Здесь гудела толпа. Делегаты, журналисты с камерами, операторы прямых трансляций.

В центре холла, у большого фонтана, стоял высокий мужчина с бейджем иностранной прессы. Он напряженно всматривался в толпу. Илья не подвел.

Григорий направился к нему. Краем глаза он заметил, как от стен отделились несколько крепких мужчин в штатском. Оперативники Центра «Э» и кураторы из антикультовой сети, обеспечивающие безопасность форума, мгновенно оценили ситуацию. Они начали сбегаться к центру холла, расталкивая возмущенных делегатов.

— Вы от Ильи? — громко спросил Григорий, подходя к журналисту.

Мужчина ошарашенно кивнул, глядя на приближающихся силовиков.

Григорий вложил флешку в его руку.

— Здесь доказательства глобального террора. Доказательства того, как антикультовая сеть манипулирует государствами и разжигает войны. Цифровая копия уже на ваших серверах. Публикуйте всё.

Журналист мгновенно сунул флешку во внутренний карман пиджака и отступил на шаг, поднимая профессиональную камеру.

В этот момент чьи-то жесткие руки вцепились в плечи Григория. Его с силой рванули назад. Кто-то ударил его под колено, заставляя потерять равновесие.

— Лицом в пол, мразь! — прорычал над ухом знакомый голос оперативника, который гнался за ним на колокольне.

Но Григорий не упал. Собрав все свои силы, он вырвался из захвата, развернулся лицом к толпе и десяткам направленных на него объективов телекамер. В зале повисла звенящая тишина. Люди в шоке смотрели на священника, которого пытались скрутить люди в штатском.

— Вы можете надеть на меня наручники! — голос Григория, поставленный годами служб под сводами соборов, разнесся по огромному стеклянному холлу, перекрывая шум раций и крики охраны. — Вы можете объявить меня сектантом, сумасшедшим или предателем! Но вы больше не сможете скрыть правду!

Двое оперативников навалились на него, заламывая руки за спину. Холодный металл наручников больно впился в запястья.

— Ваша система построена на лжи! — продолжал кричать Григорий, глядя прямо в объектив ближайшей камеры, транслирующей картинку в прямой эфир. — Вы подменили Евангелие любви идеологией ненависти! Вы используете страх, чтобы превращать людей в послушных рабов! Но ваша инквизиция обречена! И вы уже проиграли!

Один из силовиков с размаху ударил его в живот. Григорий согнулся пополам, задыхаясь, но на его лице не было боли. На его губах играла слабая, светлая улыбка.

Его потащили к выходу, грубо волоча по мраморному полу. Толпа расступалась, провожая их потрясенными взглядами. Вспышки фотокамер озаряли холл непрерывным стробоскопическим светом.

Григорий смотрел на стеклянный купол выставочного центра, сквозь который виднелось пронзительно синее, бескрайнее зимнее небо. Оно больше не было пустым. В этот самый момент, на тысячах серверов по всему миру,

гигабайты документов, экспертиз, перехваченных приказов и финансовых отчетов становились достоянием гласности. Ложь, годами отравлявшая умы миллионов, начала рассыпаться под безжалостным светом правды.

Список литературы

1. Ahilla.ru. (2023, 10 апреля). Священник Глеб Якунин — пророк церковной катастрофы. <https://ahilla.ru/svyashhennik-bleb-yakunin-prorok-tserkovnoj-katastrofy/>
2. Anti-Defamation League. (2023, April 3). Antisemitism, false information, and hate speech find a home on Substack. <https://www.adl.org/resources/article/antisemitism-false-information-and-hate-speech-find-home-substack>
3. Ansobor.ru. Информационно-консультационный центр по вопросам сектантства. <https://ansobor.ru/page.php?id=15>
4. Azbyka.ru. Сектоведение. Тоталитарные секты.
5. BBC News. (2019, April 8). Russian jails drop yoga ban. <https://www.bbc.com/news/blogs-news-from-elsewhere-47859256>
6. BBC News Русская служба. (2019, 8 апреля). В России начали использовать «закон о фейках». Первой стала Мизулина. <https://www.bbc.com/russian/news-47850601>
7. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 25–67.
8. Biram DOBRO. (2020, 24 ноября). Milorad Tomanić: «Srpska crkva u ratu i ratovi u njoj». <https://biramdobro.com/milorad-tomanic-srpska-crkva-u-ratu-i-ratovi-u-njoj/>
9. Cambridge University Press. Manipulation. In Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/manipulation>
10. Chapnin, S. (2025, May 20). Religious communities under pressure: Documenting religious persecution in Russia 2022–2025 [Presentation]. Orthodox Christian Studies Center, Fordham University. <https://sobornost.cc/storage/Religion%20in%20Russia%20-%20Chapnin%20-%20UN%20presentation%202025.pdf>

11. Daily Mail. (2022). Campaigners issue warning and demand change in law to protect victims of soaring cults in Britain. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11042869/Campaigners-issue-warning-demand-change-law-protect-victims-soaring-cults-Britain.html>
12. Deutsche Welle. (2024, 17 мая). РПЦ наказала почти 60 священников за антивоенную позицию. <https://www.dw.com/ru/rpc-nakazala-pochti-60-svasennikov-za-antivoennuu-poziciu/a-69118277>
13. European Parliament. (2013, December 12). Resolution of 12 December 2013 on organ harvesting in China (2013/2981[RSP]) (TA-7-2013-0603). https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0603_EN.html
14. Iriney.ru. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). [https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyye-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-\(raczirs\)-v-regionax.html](https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyye-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-(raczirs)-v-regionax.html)
15. Krotov.info. Богословский портал: тексты, молитвы, история Церкви. <https://krotov.info/>
16. Logically Fallacious. Ad hominem: Guilt by association. <https://www.logicallyfallacious.com/logicalfallacies/Ad-Hominem-Guilt-by-Association>
17. Meduza. (2022, 10 марта). Костромского священника оштрафовали на 35 тысяч рублей за антивоенную проповедь. <https://meduza.io/news/2022/03/10/kostromskogo-svyaschennika-oshtrafovali-na-35-tysyach-rublej-za-antivoennuyu-propoved>
18. Moscow Times. (2024, 3 сентября). Еще одного священника РПЦ отстранили от служения за отказ читать молитву о войне. <https://www.moscowtimes.ru/2024/09/03/esche-odnogo-svyaschennika-rpts-otstranili-otsluzheniya-zaotkaz-chitat-molitvu-ovoine-a141087>
19. MUBI. Ordinary fascism [Film]. <https://mubi.com/en/tr/films/ordinary-fascism>
20. New Acropolis. What is New Acropolis. <https://www.acropolis.org/en/what-is-new-acropolis>
21. Novaya Gazeta Europe. (2025, 21 января). «Горите в аду те, кто переходит границу Украины с оружием в руках»: Как живут священники, изгнанные из

РПЦ за проповедь мира. <https://novayagazeta.eu/articles/2025/01/21/gorite-v-adu-te-kto-perekhodit-granitsu-ukrainy-s-oruzhiem-v-rukakh>

22. Novaya Gazeta Europe. (2023, 18 февраля). Константинопольский Патриарх Варфоломей восстановил в сане пятерых литовских священников. Русская православная церковь лишила их сана за критику войны и патриарха Кирилла. <https://novayagazeta.ee/articles/2023/02/18/konstantinopolskii-patriarkh-varfolomei-vosstanovil-v-sane-piatelykh-litovskikh-sviashchennikov-russkaia-pravoslavnaia-tserkov-lishila-ikh-sana-za-kritiku-voiny-i-patriarkha-kirilla-news>

23. Novaya Gazeta. (2024, 3 июля). Новосибирского священника лишили сана за отказ читать «молитву о победе». За это его обвинили в «одобрении однополых браков». <https://novayagazeta.ru/articles/2024/07/03/novosibirskogo-sviashchennika-lishili-sana-za-otkaz-chitat-molitvu-o-pobede-za-eto-ego-obvinili-v-odobrenii-odnopolykh-brakov-news>

24. Novaya Gazeta. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>

25. Orthodoxy.org.ua. Православие в Украине. <https://orthodoxy.org.ua/>

26. Our World in Data. (2026, March 17). Human rights index: V-Dem. <https://ourworldindata.org/grapher/human-rights-index-vdem?tab=chart&time=1937..latest&country=~RUS>

27. Pravmir.ru. Введение в православную апологетику. <https://www.pravmir.ru/apologetika-znachenie/>

28. Pravoslavie.ru. (2006, 13 марта). Александр Дворкин утверждает, что инструкция задержать его поступила «сверху». <https://pravoslavie.ru/16589.html>

29. RBC. (2012, 12 апреля). ПОМИР: Панк-молебен Pussy Riot осудили 70% россиян. <https://www.rbc.ru/society/12/04/2012/5703f5f19a7947ac81a66da9>

30. RTVI. (2024, 20 декабря). Осужденная за убийство Маркелова Евгения Хасис готовится к выходу на свободу. <https://rtvi.com/news/osuzhdennaya-za-ubijstvo-markelova-evgeniya-hasis-gotovitsya-k-vyrodu-na-svobodu/>

31. Ruskline.ru. (2022, 14 октября). Ушат холодной воды на горячие патриотические головы.

https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/14/ushat_holodnoi_vody_na_goryachie_patriticheskie_golovy

32. Sectes-info.com. FECRIS: Assemblée générale, statuts et membres.

<https://sectes-info.com/fecris-statuts-et-membres/>

33. SOTA Project. Московский иерей Андрей Кудрин лишен сана церковным судом. <https://sotaproject.com/news/83303>

34. Svoboda. (2024, 5 сентября). Иеромонах Афанасий (Букин): «Покаяние нужно начинать с себя». <https://www.svoboda.org/a/ieromonah-afanasiy-bukin-pokayanie-nuzhno-nachinatj-s-sebya-/33105216.html>

35. U.S. Congress. (2016). H.Res.343—114th Congress: Expressing concern regarding persistent and credible reports of systematic, state-sanctioned organ harvesting from non-consenting prisoners of conscience in the People's Republic of China, including from large numbers of Falun Gong practitioners and members of other religious and ethnic minority groups. Congress.gov.

<https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-resolution/343>

36. United Nations. (2014, December 11). Deputy Secretary-General's remarks at launch of the «Framework of Analysis for Atrocity Crimes: A Tool for Prevention». <https://news.un.org/en/story/2014/12/485822>

37. United Nations Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. (2014). Framework of analysis for atrocity crimes: A tool for prevention. United Nations.

https://www.un.org/ar/preventgenocide/adviser/pdf/osapg_analysis_framework.pdf

38. U.S. Commission on International Religious Freedom. (2017). Inventing extremists: The impact of Russian anti-extremism policies on freedom of religion or belief. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/Inventing%20Extremists.pdf>

39. Ukrsekta.info. Украинская ассоциация религиоведов. <https://ukrsekta.info/>

40. Александр Дворкин. Единая антикультовая сеть. (2024, 11 ноября). ACT Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/aleksandr-dvorkin-edinaya-antikultovaya-set/>

41. Антикультовый след в югославских войнах. Часть 2. (2025, 7 августа). АСТ Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/antikultovyyj-sled-v-yugoslavskih-vojnah-chast-2/>
42. Дворкин, А. Л. (2014). Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования (3-е изд., доп. и перераб.). Христианская библиотека.
43. Ложь и пропаганда: основа антикультизма. (2025, 7 февраля). АСТ Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/lozh-i-propaganda-osnova-antikultizma/>
44. «Молитва о победе» как симптом деградации РПЦ. (2025, 28 октября). АСТ Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/molitva-o-pobede-kak-simptom-degradaczii-rpcz/>
45. Патриархия.ru. Молитва о Святой Руси. <https://www.patriarchia.ru/article/103745>
46. Ресслер, Д. (2026). Маньяк против Бога. Джеймс Ресслер.
47. Современная инквизиция в Русской Православной Церкви. Часть 3. (2025, 25 апреля). АСТ Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/sovremennaya-inkvizicziya-v-russkoj-pravoslavnoj-czerkvi-chast-3/>
48. Тоталитарная секта Дворкина. Возрождение нацизма. (2025, 9 марта). АСТ Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/totalitarnaya-sekta-dvorkina-denaczifikacziya/>
49. Тоталитарная секта правит Россией. Не бесплатно. (2025, 14 апреля). АСТ Files Supporters. <https://actfiles-supporters.org/totalitarnaya-sekta-pravit-rossiej-ne-besplatno/>